

ГАЛИНА ВРУБЛЕВСКАЯ

ВАЛЬС БЕЛЫХ НОЧЕЙ

РОМАНЫ О ВРЕМЕНИ И ЛЮБВИ

Романы и сборники малой прозы

Галина Врублевская

Вальс одиноких

«Автор»

Врублевская Г. В.

Вальс одиноких / Г. В. Врублевская — «Автор», — (Романы и сборники малой прозы)

ISBN 5-9524-0752-8

Иветта много лет хранит в сердце первую, девичью любовь. Дети, работа, муж; годы проходят, а сердцу переполненному нежностью так и не встретился тот, достойный, единственный... И только когда отданы все долги – материнский, дочерний, супружеский, – скромная сдержанная россиянка понимает, что такое настоящее женское счастье. Но не слишком ли велика цена за него?..

ISBN 5-9524-0752-8

© Врублевская Г. В.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	14
3	17
4	24
5	29
6	33
7	38
8	44
9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Галина Врублевская

Вальс одиноких

Часть первая

УКРАДЕННАЯ ЖИЗНЬ

*Прохлада утренней весны
Пьянит ласкающим намеком;
О чем-то горестно-далеком
Поют осмеянные сны.
Бреду в молчанье одиноком.*

В. Брюсов

1

Сбор выпускников – это обманная конфетка, пустой фантик. Разворачиваешь золотистую обертку в предвкушении встречи со сладкими грезами, а внутри остался только едва уловимый аромат пережеванных жизнью надежд. А если та конфета была с горчинкой? Если в классе ты был почти изгоем, лицом незначительным? Что принесет встреча с бывшими одноклассниками: радость или новую боль?

Иветта Николаевна Соловьева уже несколько лет игнорировала вечера, не собиралась идти и на этот раз. Так она и заявила школьной подруге Жанке, когда та сообщила ей по телефону о дате сбора. Но Жанка, Жанна Эдуардовна Белецкая, не отступала. Она восторженно высыпала последние сплетни: кто кем работает, кто на ком женился, кто с кем развелся, у кого родились дети. Иветта слушала с любопытством, но молчала: не тащиться же в школу ради этих событий? И тогда Жанна, выдержав паузу, как бы между прочим добавила:

- Между прочим, Володька Амосов вернулся в Ленинград.
- Как? – невольно вырвалось у Иветты.

Теперь противиться она не могла. Амосов – безответная школьная любовь, шрам на сердце. К сожалению, кроме почти зарубцевавшейся раны, ничего у нее не осталось от полудетской любви. Ни единого мало-мальски стоящего воспоминания: ни случайного прикосновения, ни шального поцелуя, ни судьбоносного разговора. Абсолютно ничего – только боль в сердце.

* * *

Выпускник Владимир Амосов – профессиональный артист – считался славой и гордостью школы. Он был ее визитной карточкой. Старшие классы имели театральную специализацию, но большинство учащихся за три последних школьных года успевали критически оценить собственные способности и вовремя отказывались от тернистого пути служения Мельпомене. Так случается и в других профессиях: при близком столкновении приходит разочарование.

Амосов не стал знаменитостью, его единственным достижением была некоторая известность в узких профессиональных кругах. Владимир на себе испытал все трудности, выпадающие на долю рядового актера. Окончив театральный институт в Северной столице, он несколько лет мыкался по провинциальным сценам. Ежегодно выставлял себя на актерские торги, где режиссеры, как помещики, выбирали себе будущих крепостных. Увы, маститые

руководители интереса к Владимиру не проявляли. Что было причиной невезения?.. То ли лицо его, красивое, но по-плакатному невыразительное, то ли средние способности, то ли отсутствие нужных связей.

И вот Амосов спустя почти десятилетие вернулся в родной город, уже не рассчитывая на особый успех. Устроился в Ленконцерт и стал эстрадным артистом разговорного жанра. Участие в сборных концертах да ряд эпизодических ролей в посредственных фильмах – вот и все, чем он мог похвастаться перед одноклассниками. Но те не имели и такой пусть скромной, но славы. Жанна была в курсе жизненных перипетий Владимира, потому что и сама была причастна к миру кино: читала закадровые тексты на студии учебных фильмов. Высшим актерским образованием Жанна похвастать не могла – три попытки поступить в театральный вуз не увенчались успехом, – но курс сценической речи, пройденный в школе, помог ей обрести редкую профессию диктора. Хотя злословили, что свою роль сыграл отец, студийный сторож.

Иветта к искусству не имела ни малейшего отношения. Она работала инженером-технологом на обувной фабрике.

* * *

Иветта сидела в спальне у трельяжа: занималась лицом. Прошла пуховкой по нежной бледно-розовой коже, подкрасила губы, навела карандашом модные стрелки. Очки на этот раз останутся дома... Так она поступала всегда, когда хотела нравиться. Старший инженер Иветта Николаевна Соловьева приложила немало усилий, чтобы вытравить из себя нескладную школьницу в уродливых очках-колесах – Ивку Кривошееву.

Из кухни доносилась мерная дробь: глава семьи самозабвенно шинковал капусту. Ныне урожай белокочанной был особенно богат, и Валентин не упустил времени, закупил по смехотворной цене целый мешок. Теперь квашеной капусты хватит на целую зиму. Раздражающий стук металлической сечки о деревянное корытце перебивался звонкими голосами: возле отца вертелись дети, второклассник Сергуня и Анечка, на год моложе брата. Замечательный возраст: малышня уже не требует мелочной опеки, но и серьезных проблем пока не создает...

«Жизнь сложилась, ничего уже не изменишь, – размышляла Иветта под кухонный аккомпанемент. – А ведь все могло быть иначе. Если бы тогда Володя разглядел мою душу... Но он видел только мои очки».

При мысли об Амосове сердце Иветты сорвалось на неровные толчки. В их театральном классе все девчонки были шикарны, красивы, независимы. Да и время в стране было радостное, отголоски оттепели люди верили в прекрасное будущее, в рост благосостояния, в светлые перспективы. Одна Ива Кривошеева была не от мира сего и не от времени. Зажатая, скованная и неконтактная, она к тому же сильно сутулилась, стесняясь своего роста. И это при том, что была далеко не верстой! И такая девушка – на сцене? Артисткой Иветту видела только мама, Наталья Всеволодовна. Это был тот самый не такой уж редкий случай, когда мать пытается воплотить в дочери собственные несостоявшиеся фантазии. Выйти на сцену Наталье Всеволодовне помешала война. Юность Наташи прошла в блокадном Ленинграде, ей не удалось получить даже школьный аттестат. После войны тоже было не до учебы: работа, неудачное замужество, рождение дочери. Сценой для повзрослевшей Наташи стала жизнь. Наталья Всеволодовна работала в разных местах и везде умудрялась выставить себя в привлекательном свете. В отличие от других артисток по жизни, носящих маски несчастных женщин, Наталья Всеволодовна играла важную персону. Она, санитарка стоматологического кабинета, гордо именовала себя медицинским работником. Хотя по тем временам она и вправду была влиятельным человеком. К стоматологам в поликлинике выстраивались непомерные очереди, а Наталья Всеволодовна всегда могла достать заветный талон.

Иветта была определена в артистки с момента рождения. Мать и назвала ее соответствующе. Большая поклонница Вертинского, Наталья Всеволодовна вечно напевала его «Магнолию», где повторялось это звучное имя. И даже грустная судьба девушки из романа, плачущей от одиночества, не насторожила мать. Вычурное имя в сочетании с неблагозвучной фамилией Кривошеева доставляло девочке дополнительные страдания. Прозвище Кривая Ива намертво приклеилось к ней с младших классов. Мать насчет фамилии не беспокоилась: артистка вольна взять красивый псевдоним, главное – прорваться на сцену. Да и очки не помеха – существуют линзы. По плану матери Ива должна была избавиться от очков в год совершеннолетия, раньше – вредно для здоровья.

У Иветты не хватило духу сопротивляться материнской воле, когда ее отправили на прослушивание в школу с театральным уклоном. При этом мать высказала вполне разумную мысль, что умение прямо и красиво держаться еще никому в жизни не повредило. Правда, благая речь сопровождалась привычными попреками: «Ну, посмотри на себя в зеркало, скрючилась, как вопросительный знак!» Наталье Всеволодовне было невдомек, что именно суровое воспитание повлияло на осанку дочери. Она изводила девочку многочисленными придирадками, давала обидные прозвища, пытаясь разжечь честолюбие. Но как раз последнее у Иветты отсутствовало напрочь.

На просмотре Иветта скороговоркой, как можно хуже, пробубнила басню и стихотворение: надеялась, что не пройдет отбор. Однако планы на спасение были несостоятельны. Наталья Всеволодовна предварительно посулила директрисе свободный доступ в стоматологическую поликлинику на все годы учебы Ивы Кривошеевой в подвластной ей школе. Проблем с зачислением не возникло: все-таки школа – это всего лишь школа, а не театральный институт.

Училась Ива без блеска, но сносно. Учителей она боялась не меньше чем матери, а потому исправно зубрила все уроки, хотя любимых предметов у нее никогда не было. Зато появились ненавистные сценические занятия. Ива не могла справиться ни с одним простым эпизодом, даже изобразить умывание перед отсутствующим краном оказалось ей не по силам. Спустя полгода педагоги по актерскому мастерству отступились от неспособной ученицы и дали ей вольную: разрешили не посещать свои занятия. Школа и не предназначалась для профессиональной подготовки актеров. Выпускники были обязаны овладеть лишь вспомогательной театральной профессией: осветителя, бутафора, костюмера, гримера или монтировщика сцены. Однако большинство ребят с увлечением играли и в школьных спектаклях. Едва ли не единственная в классе, Ива отказалась от сцены. Зато добросовестно справлялась с обязанностями костюмера: " с удовольствием подгоняла для одноклассников костюмы, подаренные соседним театром. При такой скромной роли Иветта и вовсе сделалась невидимкой, ведь все разговоры, споры и обсуждения в классе касались лишь очередной постановки. И, конечно, имя Володьки Амосова звучало чаще всего. Он был главным героем всех спектаклей. Роли героинь обычно доставались Жанне. Жанна считалась самой красивой девчонкой в классе, а красота и честолюбие на первых порах нередко компенсируют отсутствие таланта.

Работа в школьном костюмерном цехе натолкнула Иветту на мысль стать художником-модельером. После школы она подала заявление в институт легкой промышленности – мама уже смирилась с поражением. Однако экзамены по рисунку и композиции оказались непреодолимым барьером. Было жаль маминых талонов к зубному, они явно попали не в те карманы. Ну почему она не догадалась определить дочку в художественные классы?! Теперь Иветта стояла перед выбором: начинать все с нуля или двигаться дальше с потоком ровесников. В приемной комиссии девушке посоветовали передать документы на обувной факультет. Конкурс был невелик, и Иветта в тот же год стала студенткой. Сколько на свете работ, о которых не мечтают дети, даже не догадываются о них! Но именно эти профессии являются массовыми. И почти каждый из нас выбирает синицу в руках.

Для Иветты случайно выбранная профессиональная тропа не стала трагедией. Трагедия заключалась в другом: в расставании с поступившим в театральный институт Володей Амосовым. Из жизни Иветты ушла радость пусть поверхностных, но ежедневных встреч. Теперь Иветта вынашивала безумную надежду где-то случайно встретить Владимира, поразить его, завести новый виток отношений. Увы, случайности не случались. Оставался другой вариант: по крохам собирать информацию о любимом, целенаправленно искать встреч. Единственным источником слухов для Иветты оставалась все та же незаменимая Жанна. Вместо института подруга попала на студию документального кино, сразу оказавшись в гуще культурной жизни города. Жанна тогда еще не работала на озвучивании, а была девочкой для разовых поручений и гордо именовала себя ассистентом режиссера. Очутившись у входа в храм искусства, девушка сразу припала ухом к царственным вратам и с жадностью ловила тайны его жрецов. В кругу далеких от театра друзей она слыла человеком богемы. И благодаря Жанне у Иветты не прервалась тоненькая ниточка, связующая ее с Володей. Жанна проводила подругу в те места, где можно было встретить Амосова, успешного студента театрального института. Просмотры в Доме кино, выставочные залы, реже кафе – все это было в жизни Иветты. Особенно она любила посещать спектакли студенческого театра. Володя, как и в школе, блистал в главных ролях. Он усаживал одноклассниц на лучшие места, а после спектакля благосклонно выслушивал хвалебные отклики. Их дела его мало занимали.

Жанна вскоре вышла замуж за оператора своей студии, родила сына и на время выпала из культурной жизни – сидела с ребенком. Иветта прекратила искать встреч с Амосовым. Он стал для нее призраком, тем недоступным кумиром, о котором думают в тисках душевного одиночества или ночью, когда за окном идет дождь. Неудивительно, что потом он оживал в снах, и часто в соблазнительных сценах. Проснувшись, Иветта страдала особенно сильно – слишком уж отличалась явь от пригрезившегося. Однако неизменно просыпалась и надежда: вдруг сон окажется в руку? Вдруг сегодня она непременно встретит Володечку? От дальнейших мыслей розовели щеки, а за спиной вырастали крылья.

* * *

И быстро колотилось сердце, почти как сейчас. Но сегодня их встреча состоится не в мечтах, а наяву. Иветта встала с пуфика и посмотрела на себя в зеркало. Элегантное платье цвета кофе с молоком сидело безупречно. Она сама сшила его несколько лет назад, но теперь подогнала длину и ширину по последней моде: школьные навыки костюмера здорово пригодились в жизни. Иветта взглянула в боковую створку зеркала: сутулость исчезла, умело задрапированная напуском ткани. Только придирчивый взгляд обнаружил бы ее – десятилетия жизни под прессом материнской воли не прошли бесследно. Иветта не уставала благодарить судьбу, что живет отдельно, и чувствовала себя вольной птицей. Она не догадывалась, что незримая палка еще долго будет оставаться занесенной над ее плечами. Даже фасон платья, скромный, как у школьницы, был отголоском запретов мамы и учителей. «Пора положить конец глухим застегкам и закрытому вороту», – промелькнула у Иветты неожиданная мысль. Она расстегнула верхние пуговицы: все, что могла позволить себе сейчас, чтобы укрепиться в неожиданном своеволии. На шее заискрилась освобожденная от затворничества золотая цепочка. Крапинки карих глаз откликнулись веселым блеском. Оглядев себя в последний раз, Иветта заколола невидимкой непослушную прядь, выбившуюся из строгой прически, и вышла из комнаты.

Путь к прихожей пролегал через оживленный перекресток – маленький пяточок коридора. Здесь пересекались пути всех и вся: обитатели квартиры вечно сновали из комнаты в кухню, из кухни в ванную, в туалет, к входной двери. Тут всегда происходили столкновения кого-нибудь с кем-нибудь. Вот и сейчас на Иветту налетел Валентин: растрепанные волосы, нахмуренный лоб, взгляд, обращенный в книгу, которую он читал на ходу. Казалось, он решает

сложную техническую задачу. Так оно и было. Правда, книга была кулинарной и задача соответствующей. Столкнувшись в коридоре с женой, он, не поднимая глаз, спросил:

– Ива, как ты думаешь, соль просто засыпать в капусту или сделать соляной раствор и вылить в ведро?

– Валя, хотя бы сегодня освободи меня от кухонных разговоров. Ты лучше меня разберешься в этой премудрости. Не видишь, я опаздываю на вечер?

– На какой вечер? – удивленно вытаращил глаза Валентин, обратив наконец внимание на жену.

– Я же тебе говорила утром. Сегодня вечер встречи выпускников нашей школы. Ты никогда меня не слушаешь, а потом удивляешься. Не забудь, пожалуйста, накормить детей, щи в холодильнике.

Валентин действительно обладал привычкой не слышать и не видеть, что творится вокруг, что говорит жена, теща или другие люди, не имеющие над ним власти. Он заранее был уверен, что ничего стоящего те ему не сообщат, только озадачат своими проблемами. Нет, он не отстранялся от домашних дел. Напротив, был добытчиком, заготовителем. Валентин обсуждал только конкретные задачи, переливать из пустого в порожнее не любил. Зато он умел вытягивать из инстанций нужные льготы, покупать на распродажах дешевую капусту, добывать книжный дефицит – главный вид охоты брежневского периода. Купленные книги Валентин никогда не читал. Он, по его словам, собирал их для детей: когда те вырастут, библиотека будет к их услугам.

Иветта надела плащ, поцеловала ребят в макушки и выскочила из квартиры. Бежать вниз по лестнице было легко и весело. Минута-другая, и вот за ее спиной хлопнула дверь парадной. Дом Иветты в глубине двора, на углу Фонтанки и Невы, безликой башней возвышался над безупречно выверенным фасадом здания эпохи классицизма. Каждый раз, проходя под его аркой, Иветта могла любоваться Летним садом, расположенным на другом берегу Фонтанки. Немногим выпадает такое счастье! Но Иветта привыкла к чуду и почти не замечала его. Вот и сейчас: моросил дождь, дул сильный ветер – было не до красот. Иветта раскрыла зонт и перебежками, прыгая через лужи, понеслась на встречу со своей юностью. Даже грустная юность с годами приобретает сладостный привкус.

* * *

Школа находилась не близко, но транспортом Ива не пользовалась и прежде. Пешком получалось быстрее, чем двумя автобусами, с промежуточной пересадкой. Ветер гнал ученицу вдоль набережной Невы, перекидывал легкую фигурку через Фонтанку – ноги Ивки едва касались каменного горбатого моста. Ива знала: до этого места мама провожает ее взглядом из окошка их квартиры, под самой крышей башни. В следующий момент девочка уходила от погони, юркнув в узкую щель между оградой реки и нарядной решеткой Летнего сада, – этим входом пользовались садовые работники. Царственными аллеями она выходила к Марсову полю, а там до школы – рукой подать.

Зимой и летом она топала через сад-музей в свою элитную школу. И все последующие годы, так или иначе, были связаны с этим садом. В уединенных уголках его Иветта готовилась к сессиям. По ухоженным аллеям возила коляски с детьми: вначале с Сережей, потом с Анечкой. Даже ее первое любовное свидание – Володька так и не явился – не состоялось здесь. Иветта осваивала Летний сад, как ребенок обживает пространство своей комнаты, постепенно теряя к ней интерес. Античные статуи, вековые деревья, пруд с лебедями уже не привлекали ее внимания. И сейчас она неслась, не глядя по сторонам, ее больше занимал дождь, косые струи которого бились о широкий зонт.

В Летнем саду лето длится не три месяца, как ему положено по календарю. Сад остается летним, пока прекрасные скульптуры на его аллеях стоят обнаженными, пока они подставляют фигуры и редкому солнцу, и освежающим дождям, и порывам ветра с Невы. За углом уже подстерегала осень. Она тайком вытряхивала желтые брызги на растопыренные ладони кленов, срывала листья старых лип, обливала холодным душем статуи. Но мраморные боги верили, что солнце еще вернется, что эти холода не всерьез. Печальная участь – быть заточенными в зимние ящики – казалась им такой отдаленной! Они продолжали воспевать лето, потому что жили в Летнем саду. И по-прежнему встречали каждого посетителя сада как единственного и любимого.

И напрасно Иветта, торопясь на свидание с юностью, не прислушалась к их песням. Мокнувшие под дождем мраморные пророки сейчас обращались именно к ней. Они тщетно пытались указать ей поворот, за которым возможно счастье. Если бы она понимала их язык – ведь знаки богов важнее слов!

В начале главной аллеи Иветту встречала Немезида. Греческая богиня судьбы грозила возмездием даже за несовершенные грехи: секира и розги всегда были у нее под рукой. Но Иветта не собиралась преступать закон, а потому бесстрашно прошла мимо. Немезида усмехнулась – или это был всего лишь грязный подтек на ее подбородке? Иветта пробежала несколько шагов и на секунду остановилась, выбирая короткий путь. Тут-то ее и приметил величественная Церера – богиня плодородия и брака. Налитая крепкой женственностью фигура напоминала крестьянскую, серп в руке дополнял сходство с сельской труженицей. Богиня небрежно повела плечом, и тут же с него слетела засохшая черная ветка. Кувыряясь в воздухе, она упала к ногам легкомысленного соседа, Вертумна. Даже имя юноши выдавало его непостоянный характер – то было божество перемен и всяческих превращений. По преданию, легким движением руки он мог повернуть реки вспять. Коварный отрок прятал от взора прохожих гроздь винограда, похожую на перевернутый колокольчик, потому-то не каждый мог слышать легкий перезвон – призыв к вниманию. Иветта тоже не заметила, как большая капля дождя, будто нота, слетевшая с партитуры, шлепнулась на ее зонт. Она лишь обеспокоенно взглянула на часы: не опаздывает ли? Да, время поджимало – ей уже тридцать один... А может, снова шестнадцать? Минуты, часы и годы перемешались в ее фантазиях: встреча с прошлым путает время.

А мокрые лебеди в пруду никуда не торопились, потому что их крылья были подрезаны.

* * *

Иветта пересекла трамвайные пути, затем проскользнула краем Марсова поля и оказалась рядом со школой. Старинное здание из буро-красного кирпича не изменилось. Оно было таким, каким помнила его Иветта-девочка. И таким, каким было сто лет назад, когда Иветта еще не появилась на свет. Говорят, что архитектура – это музыка, застывшая в камне. Не только музыка! В стенах зданий, где мы провели много лет, сохраняются отпечатки наших душ – картинка остановленных мгновений. Иветта с волнением вошла в знакомый вестибюль. Она давно не была в школе и сейчас удивлялась нарастающему ощущению скованности. И вот она уже не она – классный специалист и мать двоих детей! В вестибюле снова стояла робкая незаметная ученица: куцая косичка за спиной, мрачный фартук на едва обозначившейся девичьей груди, уродливые очки на носу. Злая магия места околдовала ее.

Выпускники разных лет рассредоточились по актовому залу. Задние места занимали вчерашние школьники – три класса явились почти целиком. Они шумели и дурачились, будто снова оказались на большой перемене. Зато над первым рядом витала грустная недосказанность. Тут, пугливо озираясь и подбадривая друг друга, сидели люди преклонного возраста.

Они пришли парами-тройками – сухой остаток предвоенных выпусков? Некоторые старушки, не таясь, вытирали платочком слезы.

И лишь середина зала источала аромат достоинства, успеха и еще крепкого здоровья. Здесь сидели одноклассники Иветты – Владимира среди прочих не обнаружилось – и ребята смежных выпусков. Вечер открывала официальная часть.

На сцене, за столом, покрытым традиционным кумачом, оживленно переговаривались учителя. Для них эти встречи – всегда праздник! Нескольких тучных представительных дам Иветта узнала с трудом: они сохранились в ее памяти молодыми. Других, действительно молодых, она видела впервые. Директор школы, тоже незнакомый, постучал карандашом о графин и призвал всех к тишине.

Вечер разворачивался по накатанному сценарию. На сцену один за другим поднимались выпускники разных лет, благодарили школу, учителей, рапортовали о своих успехах. Скучающая Иветта ругала себя: зря она поддалась на уговоры подруги и пришла сюда. Без Амосова вечер ей неинтересен. Вдруг сердце встрепенулось и замерло. Иветта увидела человека, к встрече с которым готовилась и появление которого все же стало для нее неожиданностью. Он появился из-за кулис и твердым шагом проследовал к микрофону. Зал затих. Артиста Владимира Амосова могли не знать в стране, но в школе его знали все. На его примере учителя воспитывали своих питомцев. И снова Иветте показалось, что на ее груди появился фартук, на сей раз белый, капроновый, с крылышками на плечах. Много лет назад, на последнем звонке, она с таким же восторженным сердцебиением целила из зала взгляд на своего кумира. Тогда он выступал от класса со словами благодарности и заверял учителей, что ребята оправдают доверие школы.

Амосов и сейчас смотрелся на сцене великолепно, это место подходило ему лучше всего. Элегантный костюм песочного цвета, бордовый галстук, бежевые туфли – он был похож на диктора с телеэкрана. Правда, заметная полнота да глубокие залысины на висках размывали некогда романтический облик Владимира. Он выглядел почему-то старше ровесников. Иветта ощутила легкую боль в душе. Стареют все, это понятно, но Володя... Почему для него время не сделало исключения? Амосов низко, в пояс, поклонился учителям, затем повернулся к залу и характерным жестом предложил всем поприветствовать учителей. Зал встал, и всплеск аплодисментов раскатился по рядам – запоздалая благодарность наставникам. Но Иветта выпала из реальности. Ей казалось, что овация адресована только ему, артисту Владимиру Амосову!

* * *

Торжественная часть в актовом зале закончилась, выпускники разбежались по школьным кабинетам. Иветта, как и прежде, замыкала группу соучеников.

Никто не интересовался ее жизнью и делами. Все старались пробиться к знаменитому однокашнику, похлопать его по плечу, подержаться за рукав. Им отвели кабинет истории. Энергичные «мальчики» легко сдвинули столы-парты и выставили припасенные бутылки. Безумно нарядные «девочки» суетились над закуской, наскоро слепливая бутерброды с колбасой и сыром. Те и другие выглядели представительно и интеллигентно: эхом откликнулось воспитание в школе с театральным уклоном, хотя сейчас жизнь большинства не была связана с подмостками. Стол накрыли быстро и с толком: инициативная группа во главе с Жанной заранее позаботилась, чтобы распределить обязанности, сделать закупки. Когда выпили по первой, сумятица первых минут немного улеглась. Но что-то, быть может борозды социальной жизни, отделяло их друг от друга, не позволяя слиться в полузабытое понятие – школьный класс. Выпили по второй. Обстановка становилась все непринужденнее, никто никуда не торопился: впереди целая вечность для общения! Иветте показалось, что взрослые лица бывших одноклассников, слегка пугающие ее, опали как маски. Ребята снова стали похожи на себя прежних,

и как в юности, тихой и забитой, чувствовала себя Ива. Она и вела себя соответственно: сидела на дальнем конце стола, чувствуя локоть лишь одного соседа, такого же статиста. Сценой сейчас был противоположный торец, где расположился Амосов и другие успешные выпускники.

Постепенно общее внимание к главному герою ослабело, теперь откровенничали парами-тройками. Обособленность Иветты стала особенно заметной: единственный сосед повернулся к ней спиной. Зато Амосов переходил от группы к группе, одаривая одноклассников толикой внимания. Не обошел он и сидящую на отшибе Иветту.

– Что, Ива, скучаешь? – Владимир присел на пустующий рядом стул.

Иветта растерялась и ничего не ответила. Тогда он задал более традиционный вопрос:

– Как муж? Дети, поди, уже взрослые?

– Школьники, – тихо ответила она.

– Не слышу гордости! – наигранно возмутился Амосов. – А сама как? Где пашешь?

– На обувной фабрике работаю, технологом.

Пока Иветта думала, что бы интересного сообщить о своей работе, Владимир широко улыбнулся и перебрел к другим ребятам.

«Что ж, хотя бы имя вспомнил», – подбодрила себя Иветта, одновременно понимая, какая она дура: столько лет любить того, кто никогда не думал о ней. Да и о ком думать? По рукам передавалась общая фотография, где она, Иветта, располагалась опять же в крайнем овале-окошке: прилизанные волосы, глуповато-растерянные глаза – такими они становились, когда она снимала очки, – пунцовые угри на лбу. Конечно, на фотографии они незаметны, но Иветте казалось, что все помнят о ее угрях. Она безусловно заблуждалась: каждого в то время занимали собственные прыщи. Сейчас чистой и здоровой коже Иветты могли позавидовать многие одноклассницы. Впрочем, до нее никому не было дела.

Шум за столом нарастал. Теперь, перебивая друг друга, говорили о вещах совсем обыденных. Обсуждали породы собак, осторожно злословили о порядках в государстве, сетовали на низкую зарплату специалистов. Хвастливо упоминали о добытых должностях. И разумеется, судачили о детях, бабушках и дефиците. Обо всем этом можно было говорить в любом месте, не обязательно для этого собираться в школе. Лишь одно печальное событие ненадолго вернуло всех в прошлое: недавно умер их классный руководитель, физик по прозвищу Вольт. Молодой Вольт учил ребят не только премудростям физики. Часто на классном часе он читал стихи, открывая для ребят имена Евтушенко, Рождественского, Вознесенского. Вольта помянули очередной рюмкой, как принято, не чокаясь. Благодаря Вольту Иветта и сама начала писать стихи, хотя так и не решилась их обнародовать. Затем разговор, очертив круг, вернулся к Владимиру Амосову.

Каждая встреча с Амосовым, случайная или запланированная, только расстраивала Иветту Николаевну. Образ, выстроенный в ее душе, рассыпался от соприкосновения с действительностью. В юности она все надеялась, что вот однажды он одумается, прозреет, поймет, какая замечательная она, Иветта, девушка. Что подойдет и скажет: «Как долго я шел к тебе, какой был дурак, что не обращал внимания. Но теперь мы все исправим, еще не поздно». Так она грезила и в восемнадцать, и в двадцать два, когда выходила замуж за другого человека, и даже когда уже родился сын. Но появление на свет дочки отрезвило Иветту. Глупые мечты растворились в мыльной воде огромного таза с пеленками. Постепенно образ Амосова поблек в ее памяти, съезжился. Оказалось, что время действительно лечит. Но испытание встречей она не прошла, сейчас ей вновь стало больно. Больно смотреть на того, кто отверг ее когда-то и кто не замечал сейчас. Тем временем Владимир Амосов по просьбе остальных исполнил свой коронный номер: хорошо поставленным голосом с большой экспрессией прочитал стихотворение Есенина «Собаке Качалова», сорвав бурные аплодисменты. Потом в паре с Жанной разыграл какую-то репризу: та выглядела достойной партнершей именитому однокласснику.

Вспомнили школьные спектакли, в разговоре всплыли и какие-то проказы, смешные случаи. Иветта тоже вдруг вспомнила эпизод:

– Володечка, помнишь, как нас с тобой выставили из этого самого класса, с урока истории?

Амосов виновато посмотрел на соученицу:

– Хоть убей, Ивочка, не припомню. Да меня редкий день не выгоняли из класса. Однажды чуть из школы не исключили...

И снова воспоминания завертелись вокруг героя класса, не отличавшегося примерным поведением. Иветта незаметно выскользнула из класса. «Никто и не заметит моего отсутствия», – промелькнула у нее грустная мысль.

2

Иветта шла школьным коридором, одинокая и чужая всем. Ощущение своей неуместности на этом вечере усиливалось шумным многолюдьем вокруг. Там и тут стояли группки недавних выпускников, очень юных и очень громких. Доносились обрывки чужих разговоров. Свежеиспеченные студенты торопились похвастаться успехами перед учителями и одноклассниками, каждый воинственно отстаивал свой вуз, искренне считая его самым замечательным и важным. Иветта поднялась на верхний этаж, сама не понимая, почему она все еще здесь, почему не уходит домой. Она точно знала, что больше никогда не вернется в школу, это уж точно. И потому хотелось в последний раз пройти ее коридорами, взглянуть на знакомые кабинеты. Иветта приоткрывала одну, другую двери. Картина в кабинете ботаники заставила ее, забыв о приличии, задержаться у щели. Три бабушки и один дед склонились над классной фотографией, с ее помощью объясняя друг другу, кто они такие. Тыча пальцами в потускневшие изображения, они доказывали свою общность с девочками и мальчиками из далекого прошлого. Возможно, каждый из них не мог взять в толк: почему так изменились другие, если я остался почти прежним. Иветта тихо прикрыла дверь и пошла дальше. Вот как выглядит общение самых старых выпускников: они даже не узнают друг друга! Нет, Иветта попрашивается со школой сегодня!

У кабинета физики она остановилась. Сказали, их Вольт работал почти до последнего дня жизни, хотя неизлечимая болезнь давно подтачивала его изнутри. Минувшим летом он принимал выпускные экзамены. Как жаль... Никаких голосов из кабинета слышно не было. Иветта приоткрыла дверь: в классе было темно, только отдаленный уличный фонарь бросал молочно-голубоватый свет в крайнее окно. Иветта на ощупь добралась до второй парты в колонке у двери. Это было ее место. Физика в школе с театральным уклоном давалась в минимальном объеме, но ребята, как ни странно, любили этот предмет. Вольт был учитель от бога. Все, о чем он говорил, было интересно и ново. Нашумевший кинофильм, книжная новинка, песни популярных бардов – все преломлялось в сознании ребят через взгляд Вольта. И все они были благодарны ему впоследствии. Он возбудил в них заряд любознательности – так электричество возбуждало старинное колесо, по-прежнему стоящее на учительском столе. Его металлические пластины тускло отражали блики уличного фонаря. Глаза Иветты уже привыкли к полутьме. Она приблизилась к колесу и крутанула ручку. Несколько синих искорок выскочило ей навстречу.

– Bravo, bravo! – откуда-то с последней парты прозвучал странный голос: то ли низкий женский, то ли высокий мужской.

Обернувшись, Иветта увидела женщину с длинными, спадающими на плечи волосами, но, приглядевшись, поняла свою ошибку. Пиджак с широкими плечами и темнеющая полоска галстука на белом треугольнике рубашки принадлежали явно мужчине.

– Извините, я думала, что одна здесь, – оправдываясь, отозвалась она. – Вы тоже в этом классе учились?

– Мы все учились понемногу чему-нибудь и где-нибудь, – перефразировал незнакомец Пушкина.

Иветта Николаевна спохватилась, что находится в темном классе с незнакомым мужчиной не очень прилично, и, пошарив по стене, нащупала выключатель. Свет вспыхнул неожиданно и ярко, будто заработало в полную мощь, брызнув искрами, доисторическое колесо.

Иветта увидела, что ее собеседник совсем молод, возможно студент, вчерашний школьник.

– Давайте знакомиться, раз наши души прильнули к одному месту, – привстал «студент». – Глеб.

– Иветта... Николаевна.

– Вы какого года выпуска? – спросил Глеб.

Иветта назвала год. Глеб присвистнул:

– А я-то считал, что у меня дата солидная! Пять лет, как последний звонок отзвучал.

– Что же вы, Глеб, уединились, оставили своих товарищей?

– Я мог бы спросить вас о том же, Иветта Николаевна.

Лицо Глеба оказалось узким и сильно удлинённым. Пепельно-серые волосы, закрывающие уши и шею, лишь отчасти маскировали неправильную форму лица. Но большие выразительные глаза с темными, расширенными зрачками смотрели на Иветту с грустью и пониманием. Глаза были старше их владельца. Такие глаза располагали собеседника к откровенности.

– Видите ли, Глеб, у нас был замечательный физик, Вольт мы его звали. К сожалению, он недавно скончался. Вот я и зашла сюда, понимаете? Вы, случайно, у него не учились?

– Случайно учился. Вольт даже был нашим классным руководителем. Не знаю, как в ваше время, а у нас он и литератора замещал, неформально, разумеется. Знакомил нас с теми поэтами, которых не было в программе: с Ахматовой, Бродским. Теперь ведь его имя на Западе гремит, а у нас не печатают.

Собеседник заинтересовал Иветту. Может, он и сам поэт? И, как положено поэту, размышлял в уединении пустого класса. Иветта уважительно посмотрела на юношу:

– А вы, Глеб, тоже поэт?

– Нет, скорее художник.

– Студент?

– В студенты еще пробиться надо. Посещаю подготовительные курсы при Академии художеств.

– Там, наверно, конкурс страшный, с первого раза трудно пройти? – деликатно поинтересовалась Иветта.

– Да. Многие год за годом поступают, но я еще не пробовал, – признался Глеб и охотно поведал свою историю.

Оказалось, после школы Глеб умудрился поступить на физический факультет в университет, однако вскоре понял, что ошибся в выборе, и махнул рукой на учебу. После отчисления попал в армию. Благодаря какой-то пустяковой болезни его признали ограниченно годным, так что служба прошла спокойно, в канцелярии военкомата. Там он наловчился делать стенгазеты и вообще приохотился к краскам. Теперь вот постигает основы рисунка и живописи на курсах. На следующий год будет поступать в академию или Муху – еще не решил.

И снова Глеб удивил Иветту: выпускник театральных классов поступает на физический факультет.

– Зачем же вы пришли в эту школу? Не разумнее ли было выбрать математические классы, если вы собирались точные науки штурмовать?

Глеб смущенно подергал себя за ухо, но потом раскололся:

– Была причина, и очень веская. Почему-то мне кажется, Иветта Николаевна, что вы меня поймете. Я учился в этой школе с первого класса, жил-то неподалеку. А к девятому, когда надо было выбирать профиль, я еще не определился толком. И было тут еще одно обстоятельство... В детстве я был трудноуправляем: и сам ребят часто задираю, и мне от них доставалось. Одним словом, трудный ребенок. Но за восемь лет ко мне привыкли, да и я стал поспокойнее. Я же не со зла бузил, все искал правду, добивался истины. Мне повезло: в седьмом классе я попал к Вольту, и тот из меня начал человека делать. А позднее сестре посоветовал не забирать меня из школы. Сестра посчитала, что игра в школьных спектаклях приобщит меня к литературе. Она сама профессиональный литератор, а я к книгам равнодушен в ту пору был. А Вольт пообещал со мной дополнительно по физике заниматься. Я под его влиянием в предмет влюбился, потому и на физфак пошел.

– А почему ваши дела решала сестра?

– Она меня с десяти лет воспитывает, тогда родителей не стало.

– Вижу, человек вы непростой. С таким характером в армии, наверно, нелегко пришлось?

– Всякое было, даже вспоминать неохота. Но за битого, как говорится, двух небитых дают. В школе я слыл чудачком – физик в театральном классе. А тут еще и физиком не стал... Ребята все институты пооканчивали, некоторые женились, а я – никто.

– Почему никто? Вы – мужчина, отслужили армию. Теперь обнаружили в себе художественный дар. Поверьте, о вас еще заговорят.

Иветта почувствовала в Глебе родственную душу – он тоже был не понят бывшими одноклассниками. Приободренный Глеб разоткровенничался:

– Вы меня понимаете, Иветта Николаевна. Я действительно изменился, армия прибавила мне уверенности. Разве иначе я решился бы профессионально заняться живописью? А одноклассники меня не то за шута, не то за убогого держат. Снова подначки пошли, шпильки... Хотелось с ними о жизни поговорить, ведь теперь многое видится иначе. Но ребята не видят меня настоящего, я для них не изменился.

– Знаете, Глеб, – высказала пришедшую ей на ум догадку Иветта. – Может, дело не в одноклассниках, а в нас самих. Мы, попадая в эти стены, залезаем в старые шкуры. Меня, честно вам скажу, тоже в классе не жаловали. Не задирали, а просто не замечали. И представляете, сегодня – та же история: я как была серой мышкой в десятом классе, так ею для одноклассников и осталась.

– Шутите! Вы же красивая женщина! У вас такие выразительные глаза. Это я вам как художник говорю.

Глаза Иветты и впрямь вспыхнули и обдали Глеба мягкой волной нежности. От смущения она, не зная, чем занять руки, стала наглухо застегивать платье.

Глеб оживился:

– Иветта Николаевна, вы не согласились бы мне позировать для поясного портрета? Я сейчас тему человека прохожу на курсах. Из вас выйдет замечательная модель!

– Это интересно: посмотреть на себя глазами художника, – улыбнулась Иветта, – но у меня совсем нет времени. Я инженер, весь день на фабрике, да еще семья. У меня двое детей.

– Двое детей? – поскучнел Глеб. – Ну, как хотите. Но если надумаете – вот телефончик, звоните.

Глеб вырвал из записной книжки листок и черкнул несколько цифр.

«Глеб Четвергов», – прочитала Иветта, убирая записку в сумочку.

Они поговорили еще немного, и каждый получил ту порцию внимания и уважения к себе, которой был лишен в среде одноклассников. Потом вышли из класса, и Иветта заторопилась домой.

– Вы больше не вернетесь к своим? – поинтересовался Глеб.

– Нет, Глеб, побегу к деткам. Их без меня в постель не загнать.

– Приятно было пообщаться, Иветта Николаевна. Благодаря вам я кое-что понял: люди видят нас такими, какими мы сами себя ощущаем. И теперь я чувствую себя иначе. Пойду-ка докажу ребятам, что Глеб Четвергов больше не клоун.

3

Понедельник начался для Иветты Николаевны чередой привычных забот. Впечатления от школьного вечера потускнели, и сухая встреча с Владимиром уже не расстраивала. Его как не было в жизни Иветты, так и нет. А знакомство с Глебом подвело итог: кончилось время ее любви. Первоклассники, которые дарили ей цветы на выпускном вечере, уже стали взрослыми людьми! Почему-то это соображение даже успокоило ее и придало ощущение свободы – свободы от новых влюбленностей и разочарований.

Шумное взбалмошное утро задавало привычный, ускоренный темп. Дети, как всегда, капризничали, исподтишка дразнясь, когда мать отворачивалась к плите, и хором ябедничая друг на друга, когда она пыталась их приструнить. Отец в разборки не вмешивался. Он сосредоточенно наворачивал обжаренные картофелины, сдабривая их крепкими груздями собственного засола.

– Эх, зря закуска пропадает, – крикнул он, заглатывая очередной гриб. Это была дежурная шутка: Валентин не прочь был пропустить при случае рюмку-другую и поговорить о водочке любил. – Ну ладно, я пошел, – бросил он через некоторое время и, не дожидаясь ответа, хлопнул дверью.

Когда-то Иветту обижало, что Валентин не ездит на работу вместе с ней. Они работали на одной фабрике, правда в разных отделах, и их рабочий день начинался в разное время. У Валентина – на полчаса позже, и он предпочитал отдать их сну. В этом году Иветта оформила сдвиг рабочего графика, но выбраться из цейтнота удавалось с трудом – приходилось вести детей в школу. И опять Валентину было сподручнее ездить одному. Правда, вечером ребят с группы продленного дня забирал он, а Иветта спешила готовить ужин.

Каждое утро взвинчивало Иветту. После школы предстояло штурмовать троллейбус. Он ходил редко, но точно по расписанию, и сегодня она опять не успела на «свой». Водитель видел бегущую Иветту, однако с садистским удовольствием захлопнул дверь перед ее носом. Значит, выговора не избежать...

Начальник ее экспериментальной лаборатории, Георгий Андронович Бузыкин, представлял собой гибрид тирана и труса – терроризировал подчиненных и пресмыкался перед начальством. Он возглавлял лабораторию почти год, но Иветта Николаевна никак не могла подстроиться под его требования. Выглядел Бузыкин старообразно: несколько приглаженных седых прядей на розовой макушке, мохнатые «брежневские» брови, темный костюм в едва заметную полоску, твердый, как картонная упаковка. Статью Бузыкин не вышел – однако, коротконогий и низкорослый, он умудрялся смотреть на подчиненных сверху вниз. Бузыкин перевелся на фабрику из НИИ, где за много лет работы так и не смог защитить диссертацию, а потому рассчитывать на хорошую должность был не вправе. Однако он имел связи, потому и получил тепленькое местечко на фабрике. Своим обликом и поведением он опровергал представление Иветты о научном работнике: ни интеллигентного обхождения, ни проблеска мысли, ни демократичности во взглядах. Лишь одно качество Бузыкин вынес из стен института – умение о любом предмете говорить долго и не сказать ничего. Лаборатория под его началом напоминала ветряную мельницу, не подключенную к генератору: ни четкого направления работы, ни сроков, ни конкретного выхода. Общая задача – повышение качества обувных изделий – расплылась начальником на академические вопросы, исследуемые им в диссертации. Работу над ней он под сурдинку продолжал и на фабрике. Иветту удивляло, что старик еще пытается вымучить научную степень. Однако в действительности до пенсии Георгию Андроновичу было еще далеко – в отделе готовились к его пятидесятилетию.

Иветте поручили сочинить стихотворное поздравление. Ее способности выплыли случайно: раньше от каждого сотрудника требовалось сочинить две-четыре строки, посвященные

очередному имениннику. В неявном конкурсе строки Иветты неизменно были изящнее других. В итоге ей единогласно присудили звание лабораторного поэта, а сочинение поздравлений превратилось в общественную нагрузку.

Когда подошел следующий троллейбус, у Иветты родилась первая строка: «Трудно поверить, что Вам пятьдесят!» Затем, уже в салоне, прижатая к заднему стеклу, Иветта стала жонглировать словами дальше. Алгоритм поздравлений был известен. Любого юбиляра было принято считать молодым, изумляться неумолимым датам, затем сообщать об успехах виновника торжества, желать побед в труде и счастья в личной жизни.

В лабораторию Иветта Николаевна опоздала на четверть часа. Начальник, выгороженный стеклянной клеткой при входе в помещение, многозначительно постучал пальцем по циферблату наручных часов и грозвым голосом произнес:

– Иветта Николаевна, почему у меня на столе до сих пор нет сетевого графика техпроцесса? Прошу написать докладную!

Таким жестким, официальным тоном он всегда говорил с Иветтой в присутствии коллектива. Вздумай она сейчас оправдываться, вполне мог бы грянуть гром. Начальник на примере каждого воспитывал и запугивал всех. А между тем два дня назад в частном разговоре Георгий Андронович даже похвалил Иветту за злополучный график. Но выполненное задание, очевидно, не соответствовало представлениям дирекции о техпроцессе, а поперек вышестоящего мнения Бузыкин никогда не шел. Жертвой противоречий между директором и начальником лаборатории становились рядовые сотрудники. О том, что надо сделать иначе, Иветта узнала лишь сейчас, но промолчала. В начале правления Бузыкина было время, когда она пыталась напоминать начальнику его же слова. Но однажды он обрушил на ее голову крики и брань, а потом схватился за сердце и с мученическим видом застонал. Иветта испугалась и мгновенно со всем согласилась. Именно этого эффекта аморальный начальник и добивался; трудно было поверить в серьезность его страданий, ибо подобные приступы проходили на удивление быстро. Иветта поняла: спорить – себе дороже. Она старалась помнить об этом.

Иветта села за стол. Место хорошо просматривалось с командного пункта, поэтому она взяла в руки черновик графика, чтобы создать впечатление, будто думает о работе. Она кипела от обиды и возмущения. Старый пень, ни черта не разбирается в производстве, да и в науке не шибко, а строит из себя... Почему он позволяет себе так хамить подчиненным?

Не в силах сосредоточиться на графике, Иветта резко чиркнула по нему карандашом, сломав грифель. Она прошла в дальний угол зала, где за шкафами размещался опытный стенд. Лаборантка Светочка растягивала в механическом аппарате кусочек свиной кожи, а затем измеряла степень ее возврата в исходное состояние. Иветта присела рядом и присоединилась к опытам. Тут же к ним подошел третий сотрудник лаборатории, Водорезов, с сочувствием улыбнулся Иветте, мол, не горюй, знаем мы этого психа, и сделал несколько дельных замечаний. К Иветте вернулось утраченное равновесие.

Что ни говори, с коллективом ей повезло. Их крепко спаянная тройка понимала друг друга с полуслова. По сути, именно Водорезов руководил работой группы, начальник был им совсем не нужен. Однако тот руководил и приписанными к лаборатории измерителями – те работали непосредственно в цехах. Когда все подчиненные собирались на профсоюзные собрания, стулья приходилось занимать у соседей. Эти сборища были звездным часом Бузыкина. Половина аудитории засыпала, склонив голову на грудь, но пафос начальника только крепчал. Реакция слушателей его интересовала мало, он видел только себя.

Незаметно подступила середина дня, после звонка на обед Водорезов и Светочка поспешили в столовую. Там, в многолюдном зале, протекал их невинный служебный роман. Для Светочки он был не первым, и все с интересом ожидали, когда под ее натиском падет добрый семьянин Водорезов. Иветта с легкой завистью посмотрела вслед уходящей паре. Подруг на работе она так и не завела. Обедать с Валентином? Они и дома не могли найти общего языка.

Чтобы избежать нудных очередей в столовой, Иветта перекусывала на рабочем месте. И так получалось – в компании Бузыкина. Но в последнее время она стала подумывать об общепите. Георгий Андронович бессовестно отбирал у Иветты законные минуты отдыха, занимая их бесконечными разговорами, ей совершенно ненужными.

Трудно привыкнуть к человеку, чье поведение зависит от настроения: никогда не знаешь, чего ждать в ближайший момент. Бузыкин был опасен для окружающих не только в минуты гнева. Пока закипал общественный чайник, Георгий Андронович начал беседу. Присел у чайного столика, пристроенного рядом с вешалкой, и задал Иветте провоцирующий вопрос:

– Веточка, ты ничего не хочешь мне сказать?

Он часто ошарашивал Иветту непонятными вопросами или заявлениями. Иногда высказывания звучали совсем туманно: «Думается мне, что контрапункт вашего нахмуренного лобика в инверсии с антагонистом, когда резонанс созвучий преобразуется в свою противоположность...» Иветта теряла нить его рассуждений, и ее охватывало раздражение, но начальник ничего не замечал. Вообще, в его арсенале было много средств поражения – чередование «ты» и «вы» в обращении к сотрудникам, высокопарные непонятные слова, глубокие протяжные вздохи. Никогда нельзя было предвидеть, чем поразит Бузыкин на этот раз: выговором или видимостью дружеского участия.

И сейчас Иветта неуверенно ответила:

– Я поменяла в сетевом графике вторую позицию, объединила две операции на конвейере, так что...

Но Бузыкин ее оборвал:

– Как успехи у детей? Радуют мамочку пятерками?

Иветта уже поняла, что, как бы она ни ответила на этот в общем-то дежурный вопрос, далее разговор пойдет по накатанному руслу мнимой эрудиции начальника. Он будет рассуждать об отвлеченных материях: космосе, геополитике и иже с ними. Закипел чайник, но остановить словоизвержение Бузыкина было невозможно. Иветта, не чувствуя вкуса, жевала бутерброд с сыром. Хотелось одного: избавиться от сверлящей, непрерывной речи начальника, каким-то сверхъестественным образом разъедающей душу. Тот, кто не подвергался атаке энергетического вампира, не поймет ее состояния.

Иветта прошла с чашкой к своему рабочему столу, открыла «Иностранную литературу» и, прихлебывая чай, уткнулась в страницы. Это была безнадежная попытка отгородиться от агрессора: повесть о кубинских революционерах не перебила кошмар въедливого голоса. Только закончив трапезу, Бузыкин прекратил монолог. Вот он вышел из комнаты – до конца обеденного перерыва будет играть в шашки в соседнем отделе. В комнате стало тихо и приятно. Читать Иветте расхотелось. Эти блаженные минуты покоя были для нее самыми счастливыми за весь день.

Иветта заложила руки за голову и потянулась. Запыленные стекла будто просветлели от выглянувшего солнца. Заводская труба одиноко и независимо тянулась вверх тоненьким прутиком громоотвода. Но все попытки были тщетны, не оторваться ей от земли... Иветта встала из-за стола и провальсировала к окну, взмахивая руками, словно птица крыльями. Синхронно с ее движениями задышала и труба, выпустив в осеннее небо несколько клубов серого дыма. Иветта тоже выдохнула, и вместе с отработанным легкими воздухом растаяли тяготы перешагнувшего через точку зенита дня.

* * *

У Иветты оставалось маленькое дело, запланированное на обед. Утром она забыла предупредить мужа, что после работы заедет к матери. Отдел охраны труда, где работал Вален-

тин, находился тремя этажами выше. Это расположение удивительным образом перекликалось с ощущением важности своей работы у каждого из супругов. Иветта считала свою специальность рядовой, ничем не примечательной. Все ее одноклассники и по начальной, и по театральной школе получили какое-то образование и нормальные профессии. Люди, выросшие в мегаполисе, редко занимаются неквалифицированной работой, малопривлекательные должности достаются приезжим. Однако самые упорные провинциалы приподнимаются на ступеньку-другую и занимают место в ряду коренных горожан. Тогда ими овладевает законное чувство гордости за свое положение. К таким людям относился и муж Иветты Николаевны – Валентин Васильевич. В город Валя, уроженец соседней области, приехал после армии. Целыми днями он стоял у грохочущего карусельного агрегата для наклейки резиновых подметок на тапочки. Однообразно-утомительная работа относилась к категории вредных: духота, ядовитые испарения, шум, превышающий все мыслимые уровни. Но после смены Валентин шел на подготовительные курсы профильного вуза. Через год он стал студентом вечернего отделения. Учеба давалась с трудом. Нелегко было, отстояв восемь часов у агрегата, слушать лекции. Условия для самостоятельных занятий тоже были неважные – в общежитии книгам предпочитали бутылку. Валентин уходил в красный уголок и там засыпал над учебниками. Однако медленно, ежегодно оставаясь на повторный курс, он продвигался к заветному диплому.

Иветта познакомилась с Валентином, когда проводила на фабрике технологическую практику. В тот год он снова остался на второй год, но уже на четвертом курсе. Скромный, довольно взрослый юноша понравился Иветте. Когда она говорила об искусстве, он многозначительно молчал и понимающе кивал, создавая обманчивый облик человека, тонко чувствующего прекрасное. Иветта знала, что учеба у нового знакомого идет плохо, но объясняла это трудными условиями, в которых он жил. Валентин действительно не был тупым, но пробелы в его знаниях были невосполнимы. В его техническом багаже накапливались лишь списанные у соседей контрольные работы, переколотые с прототипов курсовики, полученные за взятки зачеты. Однако жизнь показывала что по карьерной лестнице троечники продвигаются успешнее хорошо успевающих сокурсников. Троечник вписывался в систему, как лишний винтик в крепление. Он не нес серьезной нагрузки в механизме, а потому легко переставлялся с места на месте и в конце концов становился начальником над бывшими отличниками. Так же развивалась и карьера Валентина.

Отношения Иветты и Валентина приняли серьезный оттенок с первых недель знакомства. Быстро обо значилась общая цель: брак. Валентин устал от бесприютности общежития – девушка с ленинградское пропиской котировалась на рынке невест. Иветта имела для Валентина еще одно неоспоримое преимущество. Она отличалась скромностью и простотой, в ней не было свойственного столичным жителям пренебрежения к провинциалам. А ее интеллигентность, начитанность, эрудированность импонировали Валентину – каждый Иванушка мечтает о Василисе Премудрой. Иветту к браку подталкивали две причины. Первая, смешная, – это красивая фамилия будущего мужа, Соловьев. Избавиться От Кривошеевой Иветта мечтала с детства. И вторая – общественное мнение. Мать ворчала, что незамужняя девушка с дипломом института – это почти старая дева. Валентин был подходящим кандидатом: самостоятельный без пяти минут инженер, выпивает только по праздникам. В доме Иветты он ограничивался одной-двумя рюмками, подчиняясь уставу чужого монастыря Так сложился классический брак по расчету, хотя деньги в этих расчетах не присутствовали. Два достойных человека уважают друг друга – чем не основа для совместной жизни? Полгода регулярных встреч завершились шумной свадьбой. Приезжали родители Валентина: суетливый, неряшливый отец и неразговорчивая, угрюмая мама, что называется, женщина себе на уме. За три дня она не сказала Иветте и трех слов. Родителям невестка не понравилась, о чем они тихо, в уголке, и сообщили сыну: слишком тонка, в очках. Иветта этого не слышала, но неприязнь со стороны новых родственников почувствовала. В будущем они отношений не поддерживали.

К моменту знакомства с Иветтой Валентин продвинулся по служебной лестнице. Студент старшего курса для фабрики – почти специалист. Год он работал мастером на конвейере, а потом устроился на чистое место, в отдел охраны труда. Функции были в основном инспекторские: проверить установку заграждений на рабочих местах, крепление щитков, прочность электроизоляции на магистральных проводах. Его побаивались. В руках Валентина была маленькая, но реальная власть: по его докладу с мастеров могли снять премию или объявить выговор.

К сожалению, его достижение в вузе ограничилось четырьмя курсами. На пятом он сдался. Валентина устраивала выбитая должность, больше корпеть над учебниками он не желал. Сколько Иветта ни билась, ни долбила мужа, ни подгоняла – даже делала за него задания! – ничего не помогло. Появление на свет Сережи, а затем Анечки стало для Валентина помехой, оправдывающей его неспособность сделать заключительный рывок. В самом деле, какая учеба в квартире, где два года подряд плачут грудные младенцы? Иветта тоже махнула рукой на диплом мужа.

Зато во всем, что не касалось учебы, Валентин был почти идеален. В выпивке себя сдерживал, с другими женщинами замечен не был. И дома показал себя хозяином: закупал продукты, делал заготовки впрок. Но, к разочарованию Иветты, муж оказался глух к поэзии и живописи, хотя поначалу притворялся, будто любит искусство. Добившись руки Иветты, притворяться перестал.

Отсутствие диплома не стало препятствием для служебного роста: скоро Валентин занял место ушедшего на пенсию начальника. Под началом Валентина Васильевича оказались только женщины, и они боготворили шефа, потому что его интересы совпадали с их собственными. Начальник обсуждал с ними способы консервирования и цены на рынках, отпускал, когда дети и домашние дела требовали отлучки. Ныне Валентину Васильевичу Соловьеву исполнилось тридцать девять. У него было заметное брюшко, роскошные усы и легкая проседь на висках, но сотрудницы по-прежнему называли его «наш Валек».

* * *

Иветта вошла в служебную комнату и окликнула мужа по имени. Тот сразу нахмурился: появление Иветты всегда все портило. Если сотрудницы обожали «своего Валька», то Иветта над ним иронизировала. Особенно умиляли ее картонные карточки, любовно сложенные в длинные деревянные ящички на столе у Валентина. В них он фиксировал сроки плановых проверок подразделений и имена нарушителей, выявленных в ходе этих проверок. К последним применялись суровые наказания, тоже отмеченные на карточках. Однако эффективность карательных мер была невелика: едва за начальником отдела охраны труда закрывалась дверь, как проштрафившиеся работники включали запрещенный к пользованию электрочайник.

В начале совместной жизни Иветта спорила с Валентином о безопасности работ. Она считала, что не инспекции, а инженерное решение обеспечивает нормальное, без травматизма производство. Валентин переводил разговор на правила и нормативы, так как в технологии разбирался слабо. Дискуссии давно прекратились: Иветта поняла, что Валентин несостоятелен как инженер и серьезные темы затрагивать бесполезно. Но Валентин до сих пор ощущал пренебрежение Иветты к нему как специалисту.

Иветта остановилась у стола мужа и сверху увидела едва обозначенную плешь на его макушке:

– Валя, сегодня я задержусь, маме надо заклеить окна. Приведешь детей из школы, ужинайте без меня. В холодильнике есть сосиски. Но если хочешь, ты поезжай к маме, а я заберу детей.

– Нет уж, уволь, – буркнул он и тут же спохватился, что в глазах сотрудниц выглядит невежливым. Смягчив тон, добавил: – Наталье Всеволодовне пообщаться с дочерью приятнее, чем с зятем, а? Передай ей от меня привет.

* * *

Наталья Всеволодовна лишь два года назад получила отдельную квартиру, положенную ей как блокаднице. Но влияние матери на семейную жизнь Иветты продолжалось. В основном ее усилия были направлены на воспитание внука Сергуни в «правильном» ключе. Она давно смирилась, что актрисы из дочери не вышло. Теперь весь пыл нерастроченной любви и честолюбивые устремления она перенесла на мальчика. Чувство к Сергуне было так велико, что рождение его сестрички показалось ей каким-то недоразумением. Анечку бабушка почти не замечала. Девочка всеми силами старалась заслужить одобрение Натальи Всеволодовны, но напрасно. Однако рвение малышки имело осязаемый результат: Аня опережала старшего брата во всех занятиях, даже в учебных. Увы, девочка еще не знала, что любят совсем не за достоинства. Даже слабости и недостатки работают на любимчика.

Сережу бабушка боготворила. По замыслу Натальи Всеволодовны, он должен был стать врачом. С малых лет она покупала мальчику наборы «Доктор Айболит». Научила Сережу измерять себе давление – оно у нее постоянно было повышено. Даже истории ему рассказывала про медицину, про собаку Павлова и ее потомков: последние годы работала лаборанткой в виварии, где и познакомилась с четвероногими страдальцами. По ее рассказам выходило, что зверушки охотно сотрудничали с врачами, чуть не сами подавали лапки для уколов. Но едва бабушка переступала порог, как игрушечные пинцеты и трубки отбрасывались в сторону и Сережа начинал громко барабанить чем ни попадя по столу, дверцам шкафа, полу. Он любил громкие звуки. Неприятным открытием для всех членов семьи оказалась и плохая успеваемость мальчика. На уроках письма Сережа пропускал буквы, заменял одни другими. С математикой было еще хуже: с примерами еще как-то справлялся, но задачи ставили его в тупик.

Бабушка показывала его знакомым врачам, те нашли у него какой-то врожденный дефект, то ли лишний ген, то ли отсутствующий. Узнав, что отец мальчика работал на вредном производстве, эскулапы развели руками. Бабушка тотчас обвинила зятя в плохой наследственности, однако дальнейшие обследования пресекла. Еще, не дай бог, причислят внука к умственно отсталым, отправят во вспомогательную школу. Тогда прощай карьера врача! В конечном счете Наталья Всеволодовна заняла выгодную позицию: тупые учителя не могут найти индивидуальный подход к талантливому ребенку. Тут же припоминались истории о великих людях, чьи школьные успехи были на нуле. Теперь бабушка требовала одного: чтобы дочь побольше занималась с сыном. Иветта и сама понимала, что мальчик отстает в развитии, и уделяла ему каждый свободный час. Сережа с трудом, но перешел во второй класс. Однако теперь в школу пошла Анечка, и отставание стало еще нагляднее. Пятерки в ее тетрадях и двойки в его дневнике будто соперничали: кто кого одолеет. Однако брат и сестра были дружны, особенно когда оставались одни дома. Дружны в проказах.

Наталья Всеволодовна жила в новостройках у метро «Пионерская». Иветта доехала до станции, перед которой действительно возвышалась группа резво бегущих пионеров. Увы, скульптурная жизнь была куда веселей реальной. Иветта с трудом втиснулась в переполненный трамвай и еще долго ехала по однообразно серым районам. Когда она вошла в квартиру матери, за окном уже стемнело. Наскоро перекусив, принялась за дело. Наталья Всеволодовна, будто суровый надсмотрщик, наблюдала за работой дочери, то и дело бросая замечания: «Кто так клеит?», «Кто трет бумагу тряпкой?», «Кто моет газетой?». Выходило, что неведомый «кто» все делал иначе, не так, как Иветта. Наконец она не выдержала:

– Мама, кто моет окно, ты или я?

– А ты не груби матери, учись, пока я жива. Иветта заклеивала окна уже лет пятнадцать, и любила это занятие. Но мать, если оказывалась рядом, непременно поучала ее. Наконец окно было вымыто, щели законопачены. Иветта быстро ополоснулась под душем и присела рядом с матерью перед телевизором. Шла передача о животных. Наталья Всеволодовна умилялась всяким трюкам, изредка вставляя реплики, что звери умнее и добрее человека. К четвероногим Наталья Всеволодовна неровно дышала – подкармливала живущих в подвале кошек, сыпала хлебные крошки голубям. К людям она относилась с большей суровостью.

Когда по экрану поплыли титры, Наталья Всеволодовна обернулась к Иветте:

– Ива, ты мне вот что скажи. Говорила с Валентином?

– О чем, мама?

– Ну как же! Ведь стыдно мужику такие копейки получать. Ему давно пора перевестись в цех, зарабатывать нормальные деньги. Мужское ли это дело – карточки перебирать?

Иветта поежилась. Когда-то она не удержалась и сама рассказала матери, чем занимается ее муж, и уже сто раз пожалела об этом. Наталья Всеволодовна всегда припоминала услышанные факты, искусно обратив их против самого доверителя.

– Мама, это не так просто. В цеху требуются технически грамотные специалисты. Сейчас у нас внедряются автоматические линии с программным управлением. А Валентин ведь ни в зуб ногой! Он даже в чертежах не научился разбираться. Хорошо, что хоть к этому месту прибился.

– Вот именно, прибился как мусор к берегу. А о детях он думает? Два рта. Сергуне усиленное питание требуется.

– Почему только Сергуне?

– Сергуне особенно, – поджала губы Наталья Всеволодовна. – Он мальчик. На квашеной капусте да соленых груздях у ребенка мясо на костях не нарастет.

Неприятный разговор возобновлялся между матерью и дочерью почти при каждой встрече. И ладно бы мать плела напраслину! Все было правильно: и отсутствие у Валентина служебного рвения, и его маниакальное увлечение засолами, и скромная зарплата. Но чем справедливее были упреки матери, тем обиднее становилось Иветте их выслушивать. Когда человек не в силах изменить положение, то и разговоры расстраивают.

– Ладно, мамочка. Хватит о Валентине. Ты скажи лучше, как у тебя с протезированием зубов дела?

– А вот так, милая. Твоя мать всю жизнь медицине посвятила, в стоматологии четверть века отработала, а теперь моста приличного не сделают. Предлагают из металла: с золотом в поликлинике не работают, а на частника у меня средств нет.

– Может, я подсоберу? Вместе осилим.

– Ты подсоберешь, голь перекатная.

Взглянув на часы, Иветта засобиралась домой.

Посещение матери всегда было неприятной обязанностью, дочерним долгом. Радовал лишь тот факт, что теперь они живут врозь. До переезда теща чуть не развалила семью дочери: Валентин не хотел заниматься ремонтом, и Наталья Всеволодовна велела ему убираться из ее дома. Только лень Валентина да его крестьянская хватка – держись за свое! – отвели трагедию. Пришлось Наталье Всеволодовне самой покупать краски и обои и самой-же приглашать рабочих. Иветта металась между матерью и мужем, стараясь сгладить конфликт. Дипломатические усилия погасили бурю, но интимные отношения с мужем заметно ухудшились. Конфликт тот оставил заметную трещину между супругами, хотя последние два года вольной, без матери, жизни слегка сгладили его.

Иветта возвращалась без настроения. Дома ее тоже ждала рутина. Только дети придавали смысл жизни и дарили радость.

4

Хотя Иветта не стала артисткой, близость к учебному театру в школьные годы не прошла бесследно: праздничная атмосфера живого спектакля ее волновала. Действие на сцене завораживало, переносило в другой мир, казавшийся более реальным, чем собственный. Иветту волновали не только повороты сюжета, но и переживания героев, их внутреннее состояние. Вместе с персонажами пьес она жила, чувствовала и любила. Это было единственное сладостное переживание, доступное ей. Чувство легкости и свободы не покидало Иветту несколько дней после хорошего спектакля.

В первый год замужества, когда еще не было детей, Иветта часто ходила в театр с Валентином, вернее, выводила его. Она тащила мужа не только на спектакли, но и на выставки, концерты, в лектории. В его райцентре не было возможности приобщиться к искусству, поэтому Иветта не ожидала от него точных оценок. Культура – дело наживное. Иветта щедро дарила Валентину свой мир, не замечая, как чужд ему этот мир. После очередного спектакля она взахлеб делилась впечатлениями, а он, по обыкновению, многозначительно молчал или неопределенно хмыкал. Лишь со временем Иветта поняла: дело не в том, где вырос человек, а в том, насколько душа его открыта прекрасному. Валентину все нематериальное было чуждо. С этим грустным открытием Иветта могла бы смириться: среди тех, кто равнодушен к искусству, немало отличных людей. Страшным оказалось другое: Валентин оказался воинствующим прагматиком и искренне считал, что волшебное действие искусства на человека – плод досужего вымысла.

Но года, предшествующего рождению детей, не хватило, чтобы Валентин раскрылся. Затем культпоходы прекратились, главной задачей супругов было выходить малышей. Но едва дети подросли, Иветта попыталась разнообразить досуг. Однажды они снова вышли в театр. Пять лет семейной жизни – солидный стаж. Иветта привыкла за это время делиться с мужем домашними заботами, а после спектакля ей хотелось высказаться об игре актеров. Она восторгалась их отдачей, подлинностью изображенных чувств. Супруги шли по вечернему зимнему городу. Вокруг фонарей белыми мотыльками кружились хороводы снежинок. И душа Иветты пела и кружилась. Однако на сей раз ответом на ее восторги было не привычное молчание мужа. Она услышала насмешливую тираду:

– Хватит, Ивка, прикидываться ценительницей. Я понимаю тех, кто трется возле театра, как твоя Жанна. Для них вся эта болтовня – кусок хлеба, возможность заработать на рецензиях. А тебе-то зачем из себя искусствоведа строить?

Иветта опешила:

– Валя, ты действительно думаешь, что все вокруг прикидываются, когда говорят об искусстве? По-твоему, театр или картина не могут вызвать живого отклика в душе человека?

Насчет всех не скажу, – буркнул Валентин. – Но зачем театр тебе? У тебя есть муж, дети – все, что надо нормальной женщине. Ну возьми хоть сегодняшней спектакль. Какое нам дело до этих бомжей, о чем-то бубнящих в ночлежке? Горький пьеску сочинил, чтобы публику разжалобить, а сам-то любил отдыхать на Капри!

Впервые Валентин высказался так откровенно. Спорить с ним Иветте не захотелось. С того вечера она перестала обсуждать с мужем спектакли, высказывать мысли, тем более – обнажать чувства. Однако супруги продолжали изредка выбираться в театр, ибо так заведено в больших городах. Они, продолжали ходить вдвоем, но, по сути, Иветта была одна. Валентин стал просто соседом по креслу – театр принято посещать парами.

* * *

И снова наступила зима. Короткие дни чередовались с бесконечно длинными, темными вечерами. В полном разгаре бушевал театральный сезон. Однажды, уже после школьного вечера, позвонила Жанна – Володя Амосов дал ей четыре билета в Театр сатиры.

– На Аркадия Райкина? – обрадовалась Иветта.

– Нет, будет сборный концерт. – Жанна перечислила имена актеров. – И наш Володька участвует!

Жанна собиралась пригласить друга, тоже артиста, а два билета предлагала Соловьевым. Иветта согласилась. Не возражал и Валентин.

В назначенный день и час Жанна и супруги Соловьевы встретились у входа в театр. Жанна пришла одна – ее артист неожиданно уехал на съемки в южный город, и билет оказался лишним.

– Ты сдала его в кассу? – буркнул Валентин. Он был раздосадован: теперь ему придется ухаживать за двумя женщинами, слушать их трескотню об исполнителях, трактовках образа и прочую чушь.

– Ну зачем же, Валечка, – очаровательно улыбнулась Жанна. Ее белые пышные волосы красивой волной спадали на седовато-коричневую шубу из нутрии, модную в этом сезоне. Жанна и сама походила на пушистого, соблазнительного зверька. – Ни в коем случае. А ну как рядом сядет старая гримза? Все впечатление будет смазано. Мы сейчас красавца себе выберем.

Жанна цепким взглядом окинула вереницу людей, снующих возле театра. Одни спрашивали лишний билетик, другие проталкивались мимо по своим делам. Театр располагался на бойком месте, недалеко от многолюдного Невского проспекта. Иветта оставалась, безучастной к заботам Жанны: пусть сама ищет себе подходящего соседа.

– Молодой человек! – окликнула Жанна длинноволосого парня в пальто с поднятым воротником и обмотанным вокруг шеи длинным красным шарфом. Она явно выбирала представителя богемного мира.

Парень остановился.

– Не желаете пойти на концерт?

– На концерт? Чей концерт? – Он повернулся к афише у входа. – А-а! Нет, спасибо.

Парень хотел продолжить свой путь, но заметил Иветту, стоящую поодаль с мужем.

– Иветта Николаевна! Добрый вечер! Вы идете на это представление?

– О! Вы знакомы? Познакомь нас, Ивочка, с этим очаровательным зрителем. Теперь, я надеюсь, вы составите нам компанию?

Глеб, а это был он, смущенно улыбаясь, смотрел на Иветту.

– Это Глеб Четвергов, выпускник нашей школы.

– Жанна Эдуардовна, можно просто Жанна.

– Твой одноклассник? У него же совсем юный вид. – Удивленный Валентин тоже представился по имени-отчеству.

Жанна быстро сообразила, откуда мог возникнуть этот выпускник:

– Ай да Ивка, ай да тихоня! То-то она незаметно исчезла из класса. Мы еще думали: куда это Ивка делась?

Возможно, так шутить при муже не следовало, но Жанна была в своем репертуаре. Поддразнивать мужчин, вызывая их ревность, – это было для нее самое милое развлечение. К тому же ситуация казалась слишком невинной, чтобы делать из нее тайну.

* * *

Первое отделение шло довольно вяло. Выступали малоизвестные артисты Ленконцерта, в их числе и Владимир Амосов с незнакомой подругам партнершей. Иветта сидела в директорской ложе между Глебом и Валентином, но все ее мысли занимал только Володя. Сцена находилась совсем близко, и Иветта отчетливо видела грим на лице Володи: и яркие тени на веках, и персиковый тон на щеках, и бледно-розовую помаду на губах. Сейчас он был особенно красив, но эта искусственно наведенная красота убивала в ее памяти чистое искреннее лицо школьника, о котором она плакала ночами. Амосов с партнершей изображали ссорящуюся супружескую чету. И было это вовсе не смешно, а как-то глупо и пошло. Зал между тем реагировал хорошо: зрители смеялись и хлопали в ладоши.

– Вам нравится? – шепотом спросил Глеб, наклонясь к уху Иветты.

Она инстинктивно отпрянула:

– Я в отпаде.

Глеб уловил иронию в словах соседки, и теперь они сидели как два заговорщика среди не ведающей их тайны толпы. Иветта впервые, после долгих лет одиночества на спектаклях, была не одна. В этот момент к другому уху склонился Валентин и тоже поделился впечатлениями:

– Во дают, чертяки! Все как в жизни. Этот твой Амосов стоящий артист. Я бы ему заслуженного дал.

Иветта чувствовала себя предательницей по отношению к Владимиру. С оценкой мужа она согласиться не могла. И ей было стыдно и обидно за Володьку, который опустил до такой пошлости. Она старалась убедить себя, что Амосов подчинился обстоятельствам, начальству, безденежью. Будь у него возможность выступать на хорошей сцене, в нормальном театре, он бы показал себя.

В антракте она перекинулась с Глебом еще парой фраз – их мнения о других исполнителях совпадали. Они принадлежали к разным поколениям зрителей, но сколько общего было в их взглядах! В чем причина: он более зрел, чем ровесники? Или она инфантильна? Жанна, как всегда, дирижировала их маленькой группой. Она затащила всех в буфет и здесь, с бокалом шампанского, выступала уже сама. Ее репертуар был прежним: сплетни об артистах, их заработках, болезнях и интимных похождениях.

Второе отделение порадовало Иветту больше. Появились мастера сцены, чьи имена не сходили со страниц газет, звучали по радио. Вновь юна испытала прикосновение к прекрасному, которым способен одарить зрителей только великий актер. И вновь почувствовала себя одинокой. С Глебом она могла пошутить над откровенно беспомощными номерами. Могла коротко одобрить удачное выступление. Но глубокие переживания приходилось держать при себе, доверить их постороннему человеку, тем более такому юному, она бы не посмела. Во время скрипичного концерта Валентин задремал, проснувшись лишь на юмористической сценке.

После концерта их ждал сюрприз. Прямо в директорскую ложу зашел Амосов. Ему представили Глеба. Амосов поинтересовался впечатлением от концерта в целом и от его номера в частности. Самые искренние отзывы дал Валентин, чем поднял настроение артиста. От концерта перешли к текущим делам. Узнав, что Глеб начинающий художник, Владимир предложил встретиться и обсудить декорации к предстоящему моноспектаклю. Они обменялись телефонами. И к Иветте у Владимира сегодня была просьба. Он недавно прослышал, что на обувной фабрике есть ателье модельной обуви и там можно заказать уникальную пару. Иветта поразилась, что Владимир запомнил место ее работы – неужели она не совсем ему безразлична? – и подтвердила слух. Затем добавила, что доступ в ателье ограничен, только по специальным приглашениям, и что обувь передается потребителю бесплатно, в порядке экспе-

риментальной эксплуатации. Затем, после некоторого раздумья, пообещала переговорить с начальством и устроить Амосову концертные ботинки. Иветта ощущала странную раздвоенность. В прежних мечтах она воображала Володю в роли друга, любовника, мужа. В настоящую ее жизнь он входил клиентом элитного ателье, для которого она служила лишь пропуском. Ну и пусть! Это начало хоть каких-то отношений. Вопреки всему в душе Иветты затеплился огонек надежды – она дала Владимиру рабочий телефон.

Валентин слушал их разговор, казалось бы, равнодушно. Он знал о чувствах жены: Иветта сама когда-то в них призналась, считая, что между супругами не должно быть тайн. Валентин же не был столь откровенен, о прежних увлечениях помалкивал. И по своему опыту знал, что первая любовь не забывается – сам до сих пор помнил девчонку, давшую ему отставку. Валентин был напряжен: он стиснул зубы и замолчал. Одно дело – аплодировать бывшему однокласснику, другое – предложить ему помощь.хлопотать за него на фабрике – это слишком!

* * *

Настроение мужа Иветта уловила только дома. Они молча выпили чай – дети в этот вечер остались у бабушки, – и Валентин, не проронив ни слова, отправился спать. Удивительно, насколько молчание бывает красноречивее слов! Иветта, перебив чайную посуду, тоже прошла в спальню. День был долгий, впечатлений много, глаза закрывались на ходу. Иветта быстро разделась и легла на привычное место, с краю тахты. Но не успела она блаженно вытянуть ноги и смежить ресницы, как тяжелое тело мужа навалилось на нее.

– Валечка, не надо. Я сегодня устала и голова болит.

Валентин не проронил ни слова. Он ткнулся ртом в ямочку над ключицами Иветты, затем резко метнулся к ее губам и впился в них, больно прикусив. Сопротивляться она была не в состоянии. Движения Валентина становились все небрежнее и грубее. Иветте лишь удалось отвернуться и стиснуть губы, саднящие от мужнего поцелуя.

Когда наконец все кончилось, Иветта не скрывала облегчения – ни малейшего удовольствия, только боль и раздражение! Валентин откатился на свою половину и спустя несколько минут захрапел.

Иветта лежала с открытыми глазами и смотрела в серый от полутьмы потолок. От прекрасного настроения не осталось и следа. Жалеть себя тоже не было сил. Она стала думать о текущих делах. Хорошо бы записать Сергуню в какой-нибудь кружок. Если мальчик не успевает в школе, пусть почувствует вкус успеха в другой области. Вот только в какой? Отвести его в спортивную секцию? Мысли ее незаметно перекатывались, растекались, пока не погасли вовсе. Она провалилась в спасительное забытие.

...Проснулась Иветта от нежного поцелуя Владимира и тут же поняла, что это всего лишь сон. Но чувство было приятным. Как давно Володя не приходил в ее ночь! Иветта припомнила сцены сна. Они с Володей бродили в книжном магазине или библиотеке, искали какую-то книгу. Точнее, она искала книгу, а Володя искал ее губы. Но Иветта ускользала из его объятий. Ей было совестно: кругом люди. Да, это определено была библиотека, а не магазин. На месте библиотекаря стоял этот мальчик, Глеб, – его-то больше всего и стеснялась Иветта. Он еще напомнил, что она должна вернуть старые книги, за ней, мол, задолженность. В конце концов она все-таки уступила Володе, отдалась ему там, прямо на полу библиотеки. И было ей так хорошо, как никогда наяву.

Постепенно чары рассеялись. Муж не храпел, а дышал ровно, тихонько причмокивая при каждом выдохе. «Чужой человек в моей постели», – отстраненно отметила Иветта. Почему муж стал для нее чужим, когда это произошло? Ответов не было. Иветта вспомнила минуты унижения, пережитые накануне. В таком свете Валентин себя показал впервые. Неужели прирев-

новал к Амосову? И была ли вспышка ярости случайной? Ей вспомнилась глухая стена непонимания, вставшая между ними в последние годы. Да и было ли понимание в начале их брака? Почему опровергнута поговорка «стерпится – слюбится», почему не слюбилось? Может, дело в том, что сердце ее было больно романтической любовью к другому человеку, когда она вышла замуж за Валентина. Ну зачем, зачем она так поторопилась тогда! Иветта с силой сжала пальцы в кулак, так что ногти больно впились в ладонь. Снова вспомнился сон. «Вот теперь я тебе, Валечка, действительно изменила, – равнодушно подумала она. – Изменила во сне».

5

Иветта обежала фабричные инстанции, получила нужные резолюции, и теперь ордер на выдачу пары обуви гражданину Амосову В.В. был у нее в руках. Согласно ордеру означенный гражданин принимал в опытную эксплуатацию мужские кожаные полуботинки бежевого цвета, артикул такой-то, дата изготовления – январь 1983 года. Через полгода он обязывался вернуть пару на фабрику для лабораторной экспертизы.

Амосов вышел с фабричного склада, держа под мышкой вожденную коробку. Приобретение полагалось обмыть, что Амосов и предложил сделать. Но до конца рабочего дня было еще далеко, а Иветта не могла уйти с фабрики. Вечером она торопилась домой, к мужу и детям. Оставалось одно – посидеть в фабричной столовой.

Обеденный перерыв уже закончился, но буфет работал. Отдельные начальники, которым рабочий график не указ, спокойно завершали трапезу чашкой кофе или чая с лимоном. Пустынность помещения да горы грязной посуды на столиках рядом с мойкой удручали глаз человека со стороны. Амосов покачал головой, но последовал за Иветтой. Они с трудом выбрали столик почище: почти на каждом красовались рассыпанные крошки, желтые лужицы разлитого компота, красные пятна от борща. Убирались здесь только после закрытия.

Сгорающая от стыда Иветта смахнула крошки и решила на правах хозяйки заказать кофе. Но Амосов, остановив ее движением руки, подошел к стойке. Усталая, вечно недовольная буфетчица оживилась при виде импозантного, явно не фабричного мужчины в светлом костюме и с шейным платком вместо галстука. Тетка подалась вперед и, хотя красавец был со спутницей, жеманно растянула губы. Амосов улыбнулся в ответ. В результате обмена любезностями Владимир вернулся с трофеем: буфетчица не только расщедрилась на полноценные порции кофе, но и выудила из-под прилавка припрятанную коробку зефира.

Иветта впервые осталась один на один с кумиром школьных лет. Полтора десятилетия безумных фантазий наконец воплотились в свидание. Ее сковала робость, мышцы одеревенели, спина застыла в полусогнутом положении. Куда подевалась решительная, деловая Иветта Николаевна? Та, что все утро обивала пороги начальственных кабинетов? Перед Владимиром снова сидела старая знакомая – нескладеха Ива Кривошеева. Между тем сам он вел себя просто и естественно, уже не изображая великого артиста, как на школьном вечере. Не рисуясь, говорил об обыденных вещах: сложностях с жильем, унижительной зарплате. Но попытки Иветты повернуть разговор в русло общих воспоминаний его тяготили. Пожалуй, Владимир запомнил об Иве лишь то, что она дружила с Жанной. В Жанку Белецкую Володя был влюблен, хотя и без взаимности. Впрочем, у них всегда находилось о чем поговорить. Да и теперь он мог обсуждать с ней актерское закулисье. Но Иветту не интересуют театральные сплетни – она спрашивает, почему он не ответил на ее записку, переданную Жанной, почему не пришел на свидание в Летний сад сто лет назад. Чудачка. Сколько таких записок ему писали глупые одноклассницы... Не мог же он отвечать на все! Владимир решил перевести разговор на сегодняшний день. Раз уж он оказался на фабрике, надо изучать здешнюю жизнь: вдруг пригодится?

– Иветта, скажи, у вас тут случаются занятные конфликты?

– Володя, дорогой, дай мне забыть о фабричных делах хоть на полчаса.

Мысли Иветты были так далеко от этой грязной столовой! Она уже погрузилась в далекий мир отрочества, в мир почти забытых любовных переживаний. И все невысказанные слова, все утопленные в подушке признания изливались рекой:

– Володечка, выслушай меня. Я так долго мечтала о тебе, лелеяла надежду, что и ты... Впрочем, теперь это уже не имеет значения, но я хочу, чтобы ты знал: ты был единственным, кого я любила. Любила как дура. – Легкой иронией Иветта постаралась снизить накал неожиданного признания.

Владимир улыбнулся и привычным жестом накрыл ее ладонь. Иветта почувствовала укол сладких крупинок зефира, налипших на его пальцах.

– Ивочка, ты – чудо! Смешная девчонка! Что за пафос – «единственный, кого я любила»! Так старухи говорят, у которых жизнь прошла. Какие наши годы, чтобы подводить итоги? Что за настроение? Признавайся, с мужем поссорилась, свекровь ворчит? Какие еще проблемы? Дети двойки из школы таскают? – сыпал шуточные вопросы Амосов.

– Муж? – Иветта не сразу вернулась в сегодняшний день. – Нет. С мужем все в порядке, дети здоровы, и вообще я на жизнь не жалуюсь.

Иветта, доверчиво обнажив душу, ощутила холодный душ непонимания. А на что она надеялась? Что Владимир в ответ кинется обнимать и целовать ее? Иветта изучающе посмотрела на своего визави Да, красив. Да, элегантен. Но глаза абсолютно пусты. Возможно, они зажигаются – как лампочки на елке! – когда он выходит на сцену, но в остальное время это обычные стекляшки. Сравнение с елкой пришло на ум Иветте при взгляде на высохшую зеленую красавицу, стоящую при входе в столовую. Она окончательно взяла себя в руки:

– А что у тебя на невских берегах? То, о чем ты говорил, я полагаю, временные трудности?

Владимир снова улыбнулся, но на этот раз горечь и усталость промелькнули в его глазах.

– Я думаю, в Питере мне ничего не светит. В крупных театрах артистов – как пчел в улье. Причем старики на пенсию не выходят, только на тот свет изредка отправляются. И на «Ленфильме» глухо. Моя фотография уже полгода пылится в актерском отделе, но режиссеры не реагируют. Я бы с удовольствием поменял профессию, но поздно. Надо устраиваться с тем багажом, какой имею.

– А жена?

– Тоже актриса. Да ты ее видела на концерте, мы репризу о супругах исполняли. Только это уже бывшая жена. Мы разводимся, а номер решили до конца театрального сезона отработать.

Иветта с легкой завистью отметила, как легко решаются супружеские дела в театральном мире. Разлюбили – разбежались. Не то что в ее жизни! Все тянут лямку до последнего, пытаются связать прогнившие узы.

– Я понимаю, – продолжал Амосов, – номер примитивный, но публике нравится. Особенно на выездных концертах, в области.

Затем Владимир упомянул шестилетнего сына. Разлука с ним прошла для него тяжелее, чем с супругой: мальчика Амосов очень любил. Беседа бывших одноклассников обретала все более нейтральный оттенок. Владимир принес еще две чашечки; на этот раз буфетчица не делала широких жестов, а насыпала кофе на доньшке, как всем. Теперь, расставив все точки над «і», Иветта ощутила пустоту в груди. Ничего нет и никогда не было. Она абсолютно безразлична этому человеку, ее признание только развеселило его. Иветта откинулась на спинку стула, положила ногу на ногу. Амосов почувствовал перемену в ее настроении. Так бойцы на ринге держат дистанцию: отступление одного заставляет другого приблизиться.

– Знаешь, Ива, мы могли бы стать друзьями. От наших театральных дам ты отличаешься редкой прямоотой. Одним словом, я бы не хотел оставаться твоим должником. – Владимир коснулся коробки с обувью. – Не возражаешь, если я как-нибудь звякну? Если будет интересная премьера или закрытый просмотр, могу посодействовать с билетами.

– Спасибо, – покачала головой Иветта.

Ее задело слова Владимира о долге, о благодарности. Отношения «ты – мне, я – тебе» были чужды ей. Обида окончательно вытеснила ее неуверенность в себе. Теперь рядом с Владимиром сидела строгая Дама, старший технолог.

– Еще один момент, Володя! Не забудь, пожалуйста, составить краткий отзыв о потребительских качествах полуботинок. Руководство с меня потребует.

– Будь спокойна, Ивочка! И скажи, я могу при случае еще раз обратиться к тебе с этой просьбой?

– Разумеется. Звони. Постараюсь тебе помочь. Едва они встали из-за стола, как к буфетной стойке подошли двое мужчин. Мужа Иветта заметила еще издали – в этом синем комбинезоне Валентин совершал проверки по технике безопасности: «лазил по стенам». Вторым оказался Бузыкин Иветта вспомнила, что сегодня Валентин планировал заход в их лабораторию. Оба начальника деловито обсуждали результаты ревизии. Увидев Владимира с женой, Валентин заметно дернул губами и отвернулся. Бузыкин же приветливо махнул артисту и даже изобразил полупоклон – он был в курсе хлопот Иветты, сам и визировал ее заявление. Как только новые посетители сели за дальний столик Иветта с Владимиром вышли из столовой. Иветта проводила гостя до проходной и вернулась в лабораторию. Забавно, Амосов, кажется, не узнал ее мужа в рабочей одежде, а приветствие Бузыкина отнес на счет своей скромной известности.

До конца рабочего дня оставалось еще два часа Иветта принялась наверстывать разбазаренное служебное время.

* * *

В тот же вечер позвонила Жанна. Не хочет ли Иветта посмотреть студенческие работы в Академии художеств?

– Там бывают интересные открытия, новые имена. Составишь компанию?

Иветта помолчала, раздумывая, как распорядиться воскресеньем: сложно было совместить свое желание и интересы Валентина. В театр его еще можно было вытащить, но на выставку? Не стоило и пытаться. Разглядывание картин он считал занятием для старых дев и холостяков, а современных художников-абстракционистов именовал придурками. Однако не возражал, если жена уходила на несколько часов с детьми. Тогда он мог спокойно выпить грамм триста водочки и подремать перед телевизором. И сейчас Иветта стояла перед выбором: повести все семейство в зоопарк или оставить Валентина дома. Пересилило второе.

– Хорошо, я согласна, – ответила в трубку Иветта, – но учти, я буду с детьми.

– Хорошо. Только жаль, по душам поговорить не удастся. Ну и ладно, поболтаем в другой раз. Я тогда тоже своего наследника приглашу, если у него других планов нет. Он у меня очень самостоятельный юноша!

Взбалмошная по жизни Жанна Эдуардовна оказалась заботливой матерью, и успехи ее воспитания были налицо. Мальчик хорошо учился, блистал эрудицией и проявлял разнообразные интересы. Сам того не ведая, двенадцатилетний Роман выдавал возраст мамы: стройный и длинноногий, с зачесанными наверх пышными волосами, он выглядел на все четырнадцать. С отцом Романа Жанна давно не жила, но препятствий их встречам не чинила. Роман был дружен и с мамой, и с отцом, причем каждый из родителей помогал сыну в раскрытии его талантов. А талантов у Романа было не перечесть: он пел, рисовал, писал стихи, увлекался иностранными языками. И все ему давалось легко. Жанна не навязывала ребенку своих пристрастий, он сам тянулся за матерью. Так, заметив, что она начала усиленно заниматься английским, он тоже попросился на курсы. Жанне язык был нужен для работы, она хотела озвучивать зарубежные художественные фильмы. Для нее, не имевшей институтского диплома, любые корочки были не лишними. Рома же мечтал о карьере дипломата.

Женщины обсудили текущие дела и повесили трубки. Тут же Иветта почувствовала запах гари и побежала на кухню: так и есть, котлеты подгорели. Она добавила воды и перевернула их на другую сторону. Кажется, спасла ужин! Вот так всегда, не может она одновременно делать два дела. Любой разговор захватывал ее и потом долго не отпускал. И сейчас, выправляя кухонные огрехи, Иветта продолжала мысленный диалог с подругой.

Благодаря Жанне Иветта попадала на интересные мероприятия, будь то спектакль или просмотр в Доме кино. Но глубоких, искренних отношений между женщинами никогда не было, хотя дружили они много лет. Иветта чувствовала, что большинстве ее проблем просто непонятны Жанне. Например, та не могла уразуметь, чем нехорош Валентин. Подумаешь, спит на концертах. Зато какой хозяйственный! Жанна считала, что не следует смешивать два разных понятия: муж и любовник. Первый – стена, за которой можно укрыться, второй – глоток свежего воздуха. Иветта, по ее мнению, желала невозможно го: в одном мужчине найти все! Жанна искренне полагала, что Иветта так и осталась недоразвитым подростком, и считала своим долгом учить подругу жизненным премудростям. Она воспитывала Иветту лет пятнадцать, не переставая удивляться ее инфантильности и «отсталости».

Иветта никогда не вступала в открытый спор с Жанной. Нет, она не побоялась бы возразить подруге. Но зачем? Даже если Иветта прояснит свою позицию, Жанне не понять суть проблемы. Слишком поверхностным человеком, на взгляд Иветты, была Жанна. В итоге их отношения всегда выстраивались по одной схеме: Жанна верховодит – Иветта подчиняется. И каждого удовлетворяло сложившееся положение: Жанна добивалась видимого превосходства, Иветта утверждалась в своей духовности.

6

Иветта собиралась на выставку, чувствуя глухое недовольство мужа. Валентин угрюмо впился в журнал «Приусадебное хозяйство»: недавно он выбил садовый участок в шесть соток и теперь готовился «поднимать целину», заблаговременно вооружался теоретическими сведениями. Сейчас он читал о типах печей в садовом домике, однако краем глаза наблюдал за женой. Увидел, что в сборы вовлечены и дети.

– Куда это вы намылились? – сквозь зубы процедил он.

– На художественную выставку. Хочешь с нами?

– Что я, псих, всякую мутотень смотреть?

– Ладно, Валя, если останешься дома, сделай доброе дело: натяни леску для белья в ванной. Наши провисшие веревки – стыд для городской квартиры!

– Не знаю. Надо купить дюбели и шурупы подходящего диаметра. Съезжу в магазин, посмотрю.

– У тебя же целая банка этих шурупов. Подбери что-нибудь из имеющихся.

– Ты ничего не понимаешь. Тут надо особого типа.

Все как всегда. У Валентина любые приготовления затягиваются на месяцы, а дело так и остается несделанным. Он занимается исключительно тем, что нравится ему. А ему нравится только резать овощи. Иветта прекратила препирательства.

Дети тоже потрепали нервы. Сережка размахивал игрушечным ружьем, ехать желал непременно с ним. Еле удалось уговорить сына сменить оружие: взять компактный пистолет. Анечка упорствовала в одежде: ни за что не хотела надевать приготовленное Иветтой платье, требовала вельветовые джинсы бра та. Она ревновала родителей к Сергею и добивалась равенства во всем, включая одежду. Все костюмчики брата хорошо сидели и на ней: дети были одного роста и со стороны казались близнецами.

Иветта попыталась отнять у дочки брюки, одновременно протягивая ей голубое платье:

– Ну, посмотри, котенок, какое красивое. Бантик у ворота тебе нравится?

Но Анечка плюхнулась на пол и, дрыгая в воздухе ногами, заверещала:

– Брюки! Брюки! Хочу брюки!

Иветта уступила натиску дочки, убрала платье в шкаф и устало сказала:

– Хорошо. Одевайся побыстрее.

Аня вмиг стала тихой и послушной: споро натянула брюки с джемпером и подошла к маме, чтобы та заплела ей тощие косички. Еще десять минут суетных и шумных сборов – шапки, шубки, сапожки, – и дети готовы к выходу. Иветта торопливо накинула пальто, и семейство вывалилось из квартиры.

* * *

Вход на выставку был свободный. Посетителей собралось немного. Дети Иветты тотчас оторвались от мамы и разбежались по залу: их больше привлекал интерьер, чем картины. Огромные белые скульптуры римских богов были нестрогими зрителями и на шалости малышей внимания не обращали. Роман степенно шел с женщинами, умело поддерживая разговор о живописи. Мало того, он оказался главным говорильщиком. Одна картина, абсолютно бессюжетная – нагромождение пятен и линий, – особенно понравилась Роману. По-видимому, бунтарский экстаз, выраженный в большинстве абстрактных картин, был близок духу подростка. Тот метнулся к табличке и со значением сказал:

– Уважаемые мамы, запомните имя художника – Глеб Четвергов.

Жанна рассмеялась, захлопала в ладоши:

– Bravo, bravo! Наш Глебчик завоевал сердце моего сына.

Иветта же не могла скрыть удивления. Глеб всего-навсего слушатель подготовительных курсов, но его картина висит в ряду выпускников академии! Хорошо или плохо полотно, сказать было трудно. Картина называлась «Человек», но даже при большой фантазии выделить среди какофонии красок человеческую фигуру было невозможно. Красные, желтые, ядовито-зеленые пятна нарушали общепринятые законы цветовых сочетаний. Иветта чувствовала одно: эта картина будит в ней агрессию, даже ярость. Возможно, Глеб пытался показать человека внутреннего. Тогда почему такого ожесточенного?

– Как вам моя работа? – услышали женщины за спиной знакомый голос.

Обе одновременно обернулись. Позади стояли автор картины и его новый друг Владимир Амосов. Приветствия, возгласы удивления, ожидание радости взаимного общения наполнили зал. Больше всех радовался Ромка, ведь его познакомили с таким классным художником! Он в цветистых выражениях высказался о полотне. Похвала Владимира была более сдержанной – он отметил новаторский дух картины, не счел композицию недостаточно выстроенной. В заключение добавил, что Глеб, несомненно, талантлив и его ждет большое будущее. Глеб старался выглядеть равнодушным, но радость так и выпирала из него. Он встряхнул длинной гривой, как бы умаляя излишние восторг критика – или свой собственный.

Иветта дипломатично сказала, что картина не оставляет зрителя равнодушным, однако яркие краски слишком возбуждают. Роман восторженно подтвердил:

– Классно! Я чувствую то же самое. Мне хочется разбомбить все эти бабочки-цветочки, висящие рядом. И оставить только картину Глеба!

Жанна покачала головой:

– Рома, Рома... Я же тебе объясняла, что не надо поддаваться порыву при взгляде на абстрактные работы. В этой картине агрессия красок лишь на поверхности. Более глубокий взгляд показывает борьбу добра и зла в душе человека. – Повернулась к автору. – Глеб, я правильно поняла твою концепцию?

Глеб чуть усмехнулся, выслушав пояснение Жанны и отзывы остальных. Когда он писал картину, то пытался выразить только внутреннюю боль, боль одиночества, непонимания со стороны остального мира. И что в итоге? Боль осталась при нем, а люди как не понимали, так и не понимают его. Возможно, Владимир преувеличивает его талант? И все-таки дискуссия вокруг картины была приятна Глебу.

– Я вам всем очень благодарен, – искренне отозвался он. – Зритель всегда прав. А художнику негоже разъяснять замысел другими средствами, кроме изобразительных. А сейчас, друзья, если вы уже закончили осмотр, я предлагаю вам присоединиться к нашей с Владимиром экскурсии. Я обещал показать ему мастерские академии. Приглашаю и вас.

Иветта окликнула ребят. Анечка подбежала сразу, но Сережка носился по залу кругами, не слушая мать. Тогда Глеб, смеясь, поймал мальчишку и посадил себе на плечи. Вся группа направилась на осмотр художественной кухни. Они зашли в гончарную и скульптурную мастерские, посмотрели, как работают студенты, походившие на древних мастеровых. В заляпанных глиной халатах, они мяли, лепили и стачивали неподатливый материал. Незаконченные скульптуры напоминали не столько произведения искусства, сколько поделки, слепленные детьми из песочка: такие угловато-бесформенные и непрочные. Затем компания направилась в живописную мастерскую – Глеб обещал показать несколько своих учебных работ.

В коридорах было малоллюдно – по воскресеньям занимались только самые отъявленные энтузиасты. И опять общий разговор закрутился вокруг Романа. Тот охотно отвечал на привычные вопросы взрослых – кем хочет стать, чем увлекается.

– Да, я твердо решил: буду дипломатом в капстране!

– А чем тебя не устраивают дружественные страны?

– Ежу понятно. Негритосы только сосут наши ресурсы. Китайцы хитрят, в свою игру играют. Только свободные люди западного мира истинно дружелюбны.

Головы присутствующих повернулись в сторону Жанны Эдуардовны. Двенадцатилетний мальчик не мог сам до такого додуматься. Жанна порозовела, но постаралась обратить разговор в шутку:

– Сынуля, ты меня своими откровениями под монастырь подведешь.

– А что такого, здесь же не пионерский сбор. Ты сама говорила, негритосы...

– Негритосы, негритосы, – хором подхватили малыши.

Вмешался Владимир:

– Роман, если ты решил стать дипломатом, учила держать соображения при себе. И помни: дипломаты ни о ком не должны отзываться плохо!

– Дядя Володя, я же думал, тут все свои.

В этот момент мимо прошел темнокожий студент с рулоном ватмана. Кажется, он не слышал выкриков детей или сделал вид, будто не слышит.

Владимир выразительно кивнул в сторону афро-американца.

Насупившийся Роман задрал рукав свитера, взглянул на часы с огромным модным циферблатом и, стараясь казаться независимым, бросил:

– Все, леди энд джентльмены, гудбай. Мне пора отчаливать! Ма, выдай пятерик. Я собираюсь в парк, на аттракционы.

Жанна кротко раскрыла кошелек и вынула купюру. Иветта про себя удивилась дерзости Жаннинного сына: просит деньги, и немалые. Даже не просит, а требует!

– Избалуеть ты своего мальчишку, – заметила Иветта, когда Роман удалился. И тут же стала собирать своих: – Сережа, Аня, нам пора домой. Вы, наверно, уже проголодались?

Как домой? – обескураженно спросил Глеб. – Сегодня, Иветта Николаевна, такой удобный случай, чтобы поработать над вашим портретом. Помните, вы мне обещали позировать? А ребят мы чем-нибудь займем. Могу дать бумагу и карандаш, пусть порисуют на мольбертах. Хотите попробовать, как настоящие художники, с натуры? Я перед вами чайник поставлю. Кто лучше его нарисует?

Дети радостно согласились. Им не хотелось домой.

– Но как же, ребята голодные... – сопротивлялась Иветта.

– Тогда вначале идем в пирожковую! Здесь неподалеку очень уютное заведение, – предложил Глеб.

Предложение приняли. По дороге Иветта углядела телефон-автомат и решила позвонить Валентину, чтобы тот обедал один, их не ждал. Но ответом ей были протяжные гудки. Может, поехал-таки за шурупами? Нет так нет, мысли о муже отбежали прочь. Потом компания весело уплетала пирожки с капустой и мясом, запивая их горячим бульоном. Больше всех радовались дети: гораздо интереснее привычного домашнего обеда!

После обеда Владимир и Жанна откланялись. Владимир, чуть приобняв Жанну за плечи, сообщил, что они еще погуляют. В этот момент Иветта окончательно поняла, насколько чужой всегда была Амосову: никогда он не клал рук на ее плечи. Сейчас ее не волновало, есть ли что-то серьезное между подругой и бывшим одноклассником. Мысли ее, как всегда, вернулись к собственной ненужности. Ни мужу, ни однокласснику она неинтересна. Одна, всегда одна.

Между тем впереди бежали дети, рядом шагал вразвалочку Глеб. Глеб жаловался на утомительные занятия на подготовительных курсах. Отрабатывать элементы классического рисунка ему не нравилось, но для вступительных экзаменов это было необходимо. Иветта призналась, что ей, как зрителю, тоже интереснее картины, отражающие внутренний мир человека, но она не всегда понимает их, особенно абстрактные. Наконец вернулись в мастерскую. Здесь работало несколько студентов, и они вмиг расхватили нежданных моделей – Сережу и Анечку. Глеб получил возможность целиком сосредоточиться на портрете Иветты.

Он прикрепил большой лист бумаги на мольберт и усадил Иветту возле окна, так, чтобы свет по-особому освещал ее лицо.

– Надеюсь, вы не изобразите меня в виде параллелепипеда? – улыбнулась Иветта.

– Не беспокойтесь, Иветта Николаевна. Я же де лаю зачетную работу! Придется обойтись традиционными средствами.

Спустя четверть часа Иветта почувствовала, как сложно сохранять неподвижность. Затекли ноги и спина, заныла шея. Иветта поняла, как труден хлеб натурщиц. И это при том, что она, Иветта, сидела в достаточно комфортной позе и одетая, не то что девушка в углу рисовального зала. За окном минус двадцать, в зале еле топят! Обнаженная модель стояла на деревянном кубе, закинув руку за голову, в очень неудобной позе. Тут же другая мысль возникла в голове Иветты:

– Глеб, а как вы относитесь к натурщицам?

– Не понял?!

Иветта догадалась, что вопрос прозвучал по-обывательски неприлично. Она придала ему возвышенный толк:

– Как влияет близкое знакомство с моделью на психологическое раскрытие образа на рисунке?

– Замечательно влияет! – улыбнулся Глеб. Но затем пояснил серьезно: – При построении классического портрета главная задача – сохранить пропорции модели, остальное не важно. Вот почему я не люблю реализм. Это схема. Психологическое звучание портрету можно придать, только нарушив все каноны. Я имею в виду авангардный стиль.

Глеб изящно ушел от разговора о натурщицах, и Иветта не стала настаивать на его продолжении. Но теперь Глебу самому хотелось высказаться. Слова аккомпанировали движению его карандаша.

– В живописи работает цвет. Им можно показать характер. Но если я делаю портрет в карандаше, как сейчас, то просто раздеваю модель, мысленно конечно, пытаюсь увидеть ее строение.

– Раздеваете? – Иветта залилась краской. Глеб усмехнулся:

– Да. Я стараюсь увидеть скелет, мышцы, объем. Для меня важно, какая геометрическая форма лежит в их основе. Скажем, в одних случаях, изображая женские груди, я положу в основу рисунка конус, в других – полусферу. И все в таком роде.

Кажется, Глеб наслаждался смущением Иветты: он не оставил без внимания зардевшееся лицо модели:

– Знаете, Иветта Николаевна, вам идет румянец. Я бы с удовольствием написал с вас акварель. Но для этого потребуется часа два-три. Может быть, вы подойдете еще раз, уже без детей?

– Ничего, Глеб, не обещаю. Разве что летом, когда ребята уедут на каникулы. А сейчас побыстрее, если можно. Вон, мои непоседы уже снова волчком крутятся. Пора нам домой.

Глеб ускорил темп. Но, хотя он работал быстро, минут сорок уже прошло.

Наконец он отодвинулся от мольберта, взглянул на Иветту, перевел взгляд на портрет и потер пальцы, то ли от удовольствия, то ли разминая их:

– Можете посмотреть, Иветта Николаевна. Иветта обошла мольберт. На листе красовалась девушка, походившая на римскую богиню: с гордо выпрямленной спиной, длинной шеей и высоко вскинутым подбородком. На ней даже развевалась какая-то туника.

– Это я?

– Что-то не так?

– Вы прямо как придворный живописец – польстили модели. Разве у меня такая шея?

– Я так вижу, – пожал плечами Глеб. – Все, что здесь изображено, вам присуще, только не проявлено. И вот вам ответ на вопрос, как влияют чувства мастера на его работу. Именно так.

Иветта опять смешалась, не зная, как реагировать на откровенность молодого человека. Этот щекотливый момент сгладили дети, которым наскучило позировать. Теперь они носились по залу, мешая студентам.

– Вы мне не отдадите портрет? – полуутвердительно спросила Иветта.

– После того как получу зачет, обязательно, – заверил юноша.

Когда Иветта с детьми вышли на набережную Невы, уже вечерело. Ранние зимние потемки окутали город. Перед взглядом Иветты раскинулось сизое поле замерзшей реки. Лишь темнеющие на сером фоне каменные сфинксы, спящие на постаментах, отмечали границу ледяного пространства и заснеженной набережной. Малая толика тепла осталась там, в мастерских. На душе Иветты было тревожно. И растревожил ее своими намеками Глеб. Беспокоило и объяснение с мужем: сегодня они припозднились, и Валентин вряд ли оставит это без внимания. Но звонить уже не было смысла, скоро они и так будут дома.

Наконец подошел нужный трамвай, холодный и малолюдный. Тонкий слой инея покрывал стекла.

Иветта с ребятами теснились на одном сиденье, согревая друг друга телами. Монотонная вибрация убаюкала уставших за день детей. Они уснули, с двух сторон приткнув головки к плечам Иветты. Она же вспоминала сделанное Глебом изображение: независимая, с горделивой осанкой прекрасная богиня. Все это ей присуще, но не проявлено, сказал Глеб. С собой можно быть откровенной: именно такой она ощущала себя, когда надеялась понравиться Володе. Увы, Амосов не обладал зрением художника. И остальные люди видели в ней то, что лежало на поверхности: слабохарактерная, неловкая, малообщительная. И все же она справлялась с требованиями жизни. Работала, растила детей, помогала матери, обихаживала мужа. И делала это на совесть, хотя страдала от непосильной ноши. Глеб изобразил ее изящной небожительницей – семья требовала женщину с веслом. Две эти ипостаси и составляли ту среднеарифметическую личность, которой стала Иветта.

7

Прегрешение Иветты – длительная отлучка – на этот раз не имело последствий. Когда она с детьми вернулась, Валентин мирно спал на диване перед включенным телевизором. Даже голос комментатора футбольного матча не мешал спящему. Иветта почувствовала кисловатый запах водочного перегара и все поняла: Валентин отдыхал как умел. Она не стала будить мужа и ушла на кухню, надо было кормить детей ужином. Валентин проснулся и тоже вышел к столу. Он угрюмо молчал, и было неясно, бродят ли хоть какие мысли в его большой, похожей на футбольный мяч голове.

Рабочая неделя началась обыденно. Бузыкин по-прежнему вампирил – высасывал у подчиненных энергию. Теперь он использовал новые, изощренные способы. Начальник предстал перед Иветтой жертвой жизненных обстоятельств. Подсаживаясь к ней в обеденный перерыв, жаловался на одиночество, непонимание близких и травлю со стороны коллег. Рассказывал, как несправедливо к нему относились в прежнем НИИ. Он, мол, хотел совершить переворот в технологии производства обуви, но ему ставили рогатки. Говорил о том, как трудно идет работа над диссертацией:

– Я, Веточка, дома работаю до полуночи, до рези в глазах, до звона в ушах, до того, что голова разваливается на части. Понимаете, создавая системную концепцию конгруэнтных явлений...

Понять, что хотел сказать начальник, было невозможно. Вязь непонятных слов обволакивала Иветту, туманила голову. Подобному воздействию позавидовал бы и гипнотизер! В какой-то момент технические термины отступали и на Иветту обрушивался водопад житейских жалоб.

– Моя жена чрезвычайно больна, – следовал протяжный глубокий вздох.

– Что с ней? – ради приличия вставляла Иветта.

– Мне тяжело говорить о ее состоянии, Веточка. Возраст, букет болезней, нервная возбудимость. Ведь моя супруга – блокадный ребенок. Сказываются страдания военной поры. Да я и сам... Хотя речь не обо мне. Я не имею права думать о себе: на моем иждивении пять ртов.

Иветта невольно представила пять разинутых ртов – пятерых ребятишек, сидящих за длинным деревенским столом и стучащих по нему деревянными ложками.

– Пять ртов? – машинально повторила она. Чайник уже закипел, и Иветта разливала кипяток в обе чашки, свою и Георгия Андроновича.

Бузыкин не любил, когда его перебивали. За уточнениями ему чудились недоверие и насмешка. Он расширил глаза, оплетенные сетью морщин, укоризненно посмотрел на сотрудницу и с нажимом повторил:

– Да, Иветта Николаевна, пять ртов: жена, сестра, дочь с зятем и внучка.

– Они все не работают? – теперь уже действительно с иронией осведомилась Иветта.

Этот вопрос вызвал усиленное негодование Бузыкина. Он достал носовой платок, громко высморкался и, чеканя слова, пояснил:

– Разве вы, Иветта Николаевна, не знаете, сколько у нас молодые специалисты получают?

Иветта пожала плечами: она лишь недавно получила повышение. Все ее знакомые еле сводили концы с концами, однако никому бы и в голову не пришло считать себя иждивенцем. Да и пожилые родители не были в состоянии помогать взрослым детям. Нет, работоспособные члены семьи Бузыкина не вызвали у Иветты сочувствия, как и сам глава клана.

Иветта перестала поддерживать разговор, принявшись за принесенный из дому овощной салат. Бузыкин подхватил кружку и ретировался в свой закуток за стеклом. В тот же день на общем собрании он накричал на Иветту: выйдя из комнаты, она оставила включенной настольную лампу.

– Доколе вы будете разбазаривать энергоресурсы, многоуважаемая Иветта Николаевна?! Извольте следить за собой, не то я сниму с вас квартальную премию! Не посмотрю, что вы – старший технолог!

И не рассчитывайте на семейственность. То, что ваш муж начальник отдела охраны труда, не освобождает вас от следования общим правилам.

Иветта чуть не расплакалась. Она изо всех сил крепилась, чтобы задержать слезу, дрожащую на нижнем веке. Наклонив голову, прикрыла глаза ладонью, как козырьком, и тайком вытерла глаза. Ей было очень стыдно перед сослуживцами. Задышавшись от собственной смелости, она возразила:

– Извините, Георгий Андронович, но ваша лампа вообще никогда не отключается.

– Вы! Как вы смеете указывать мне... Неожиданно Бузыкин прислонился к стене и начал медленно сползать на пол, хватая ртом воздух. Сотрудники бросились поддержать начальника, кто-то уже набирал по телефону номер санчасти. Тут Бузыкин решительно поднялся с пола и прошептал, что справится с недомоганием сам – врача ему не надо. Испуганные подчиненные замерли в ожидании, Иветта тоже дрожала от страха. Но дальше ничего не произошло: Бузыкин слабым голосом объявил, что собрание окончено, и удалился в свое застеколье.

* * *

За ужином, когда дети выбежали из-за стола, муж с нескрываемым удовольствием признался:

– Я сегодня вставил фитиль вашему Бузыкину. Написал докладную директору, что в лаборатории нарушены сроки проверки огнегасителей.

Так вот в чем причина начальственной бури!

– Ты ему вставил фитиль, а он мне. Скажи, Валя, так ли необходимо было писать докладную? Устранить недочет иначе никак нельзя?

А что это, милая, ты его защищаешь? Между прочим, ваша Светочка мне доложила, что вы с Бузыкиным все обеденные перерывы воркуете как голубки. Старый хрен! Седина в бороду – бес в ребро! После воскресной выпивки, как всегда с похмелья, Валентин был охвачен немотивированной злобой. С утра он обрушил ее на Бузыкина, теперь на жену. Иветта старалась погасить пожар:

– Брось, Валя, говорить глупости. Ты сам знаешь, что я с трудом выношу нашего Бузыкина. Мне Просто некуда деваться в обед.

– Так. Бузыкина переносишь с трудом. А юного художника Глеба – с удовольствием? Мне дети рассказали, как ты вчера весь день перед ним просидела. Позировала, скажите пожалуйста! Хорошо хоть не в голом виде. Впрочем, с тебя станется. Не было бы рядом детишек, ты бы и в чем мать родила предстала...

– Прекрати, Валя. Да, Глеб меня рисовал. Ему для зачета нужно определенное количество рисунков. Что тут особенного?

– Что особенного?! Замужняя женщина ведет себя как соплячка, без стыда и совести. Этот художник тебя в постель позовет, ты и прыгнешь с радостью!

– Я не буду продолжать разговор в таком тоне.

К счастью, на кухню ворвались дети, и у Валентина хватило ума замолчать. Иветта с трудом заканчивала привычные дела, все валилось у нее из рук. После ужина она вымыла посуду, начистила картошки на завтрашний день, проверила уроки у детей. Анечкины тетрадки были, как всегда, безупречны. Сережку, как всегда, пришлось заставить переделать задание...

Дети заснули, забрался в кровать и Валентин. Но Иветта, хотя и устала, медлила. Взяла порванные брючки сына, занялась починкой. Иголка то и дело колола ей пальцы. Истерический припадок начальника, придирки мужа, плохие отметки сына – все ложилось тяжелым

камнем на душу. Иветта отложила брюки и побрела в ванную: оставалось еще прополоскать рубашку Валентина, не запускать же ради одной вещи стиральную машину. Иветта наклонилась над тазом, подставила руки под Струи воды. Стало немного легче. Но желтоватые от пота рубашечные подмышки вновь повернули мысли к мужу. Валентин только на первый взгляд добрый семьянин. По сути – он деспот, исключивший из ее жизни любые радости. Сходить на выставку – грех, почитать на ночь – блажь. Только в конце обеденного перерыва да в троллейбусе Иветта могла погрузиться в мир книжных грез. Не ради чужих историй она листала страницы, но Неистово искала ответы на мучающий ее вопрос: как прожить без любви? Большинство женщин переживали оттого, что мужа их оставили. Ситуация Иветты была уникальной – или казалась ей таковой – вынужденное сосуществование с нелюбимым человеком.

Валентин ревновал Иветту ко всем: начальнику, однокласснику, случайному знакомому. Даже к книгам – полагал, что, читая их, жена мысленно предается разврату. Внезапно Иветта поняла, что мужа бесит ее внутренний мир, куда ему нет доступа. Но винить в этом Иветту? Не она опустила шлагбаум перед Валентином. Он не захотел приподняться, чтобы переступить совсем невысокий порожек, отделяющий душу жены. Что было тому помехой: нежелание Валентина расширять кругозор или его душевная глухота? А если Иветте прикинуться простушкой, не выказывать своих знаний, интересов, стремлений? Но играть роль изо дня в день невыносимо. Дом – единственное место, где мы можем и где должны быть самими собой.

Иветта выполоскала рубашку, расправила ее и повесила на плечики. Небрежно натянутая веревка некрасиво провисла под единственной вещью. Валентин так и не натянул под потолком леску. Иветта в раздражении нагнула вторую петлю на гвоздь, но он не выдержал непривычного натяжения и вылетел из штукатурки. Мокрая рубашка вместе с вешалкой плюхнулась на пол.

– Что так долго возишься? – раздался из комнаты голос Валентина.

Иветта скомкала испачканную рубашку и со злостью метнула ее в таз: все, она уже не в состоянии заниматься чем-нибудь еще. Иветта вышла из ванной и остановилась в коридоре у книжных стеллажей. Чем бы успокоить себя на ночь? Она пробежала глазами по ряду корешков. Вот книги, оставленные мамой: биографии артистов, мемуары. Мама коротала вечера без мужа и без телевизора, иллюстрированные тома о красивой жизни заменяли ей саму жизнь. Наверху – книги Валентина. Советы рыболову, советы грибнику. Недавно появились советы садоводу. В полутемном углу теснились книги Иветты. Их она узнавала по цвету корешков. Романы Бальзака, Золя, романтические повести Грина, годичные подборки толстых журналов. И конечно, стихи: Пушкин, Лермонтов, Блок. Иветта выбрала новый томик Ахматовой и прошла в спальню.

Она легла и поправила бра над кроватью так, чтобы свет не мешал Валентину. Неторопливые строки уводили Иветту в мир, где не было грязных рубашек, немой посуды и производственных собраний:

Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

Иветта представила Амосова. Не нынешнего, похожего на важного начальника, а мальчика – восторженного, красивого, равнодушного. Вот он стоит в каком-то дверном проеме и произносит эту убийственную прощальную фразу. Ничего подобного в ее жизни не было. А у поэтов даже расставания красиво обставлены! Муж перевернулся на другой бок и, приподняв локте, заглянул в книгу жены:

– А, стихи... Опять дурью голову забиваешь. Ложись-ка спать, поэтуля.
И тут же, не спрашивая разрешения, погасил бра над головой Иветты.

Мрак окутал комнату. Иветта отложила книгу. Она не чувствовала себя женщиной, свободным человеком – маленький бесправный зверек в неволе, вроде хомячка в клетке, который недавно появился у ее детей. Вот такой хомячихой она и была для мужа. Иветта чувствовала, как саднит грудь от пинка Валентина, хотя физически муж к ней даже не прикоснулся. Он уже опять безмятежно похрапывал, но и спящий сторожил свое сокровище, свою собственность – жену. «Неужели, – думала Иветта, – я обречена на вечную муку, на существование в клетке постылого брака?» Валентин как-то пригрозил, что устроит ей веселенькую жизнь, если она подаст на развод, – он тут прописан и с места не сдвинется. А детей отсудит и отправит к матери в поселок. Ну, положим, относительно детей – это только угрозы, но жизнь попортить он ей сумеет. Одним словом, по-доброму не уйдет: тиран-тихоня. Он нагло гнул Иветту под себя, не желая и пальцем пошевелить, чтобы ее понять. По щекам Иветты текли слезы. Где-то был свободный, цивилизованный мир. Брак там длился, пока устраивал обоих супругов. В России же все несчастные браки сцементированы жильем. Иветта смогла бы прокормить себя и детей, но снимать квартиру? Слишком большие деньги. Уйти в однокомнатную к матери – и ютиться там вчетвером? Не вариант, да мать и не поняла бы ее. Муж выпростал руку из-под одеяла и откинул в сторону, больно хлестнув Иветту по щеке. И это произвольное движение вызвало у Иветты волну ярости. На миг картина, расчерченная острыми зигзагами – картина с выставки в Академии художеств! – мелькнула в ее воспаленном мозгу.

– Я убью его, – холодно сказала Иветта сама себе.

Усталый мозг редко продуцирует хорошие идеи. Зато ярость, застывшая разум, с легкостью воплощается в поступки. Решения закрутились в голове с бешеной скоростью: нож, топор, утюг? Иветта приподнялась на своей половине и всмотрелась в затушеванное темнотой ненавистное лицо. В полутьме голова казалась черепом: впадины глаз, оскаленный рот. Чернеющие ноздри с шумом пропускали воздух, так дышит человек, страдающий насморком. Вот Валентин на минуту затих, потом со всхлипом открыл рот и жадно вдохнул.

Иветта медленно, как сомнамбула, встала на колени, повернулась к изголовью, приподняла огромную, тяжелую подушку и... Бешеная энергия злобы, бушевавшая в Иветте, направила подушку на ненавистный череп. Иветта с диким криком упала грудью на мягкую гору и всем телом придавила голову Валентина. Волосатые ноги с силой взлетели вверх, отбивая невидимый мяч. Прорвались приглушенные подушкой хрипы Валентина. Тело его выгнулось дугой и, наполненное великой силой жизни, победило. Преступница перевернулась в воздухе вместе с подушкой и полетела на пол.

Иветта сидела на холодном паркете, боясь пошевелиться. Острая боль в щиколотке сковала и в то же время обрадовала ее: она восстанавливала ту границу, которую только что преступила Иветта. Насилие имеет право на выход только во сне, сегодня оно прорвалось наяву. Вместо безобидного хомячка из темницы подсознания вырвалась кровожадная тигрица. Беспощадный внутренний судья уже вынес приговор Иветте, не дожидаясь реакции мужа Валентин тем временем пришел в себя и зажег свет Жена по-прежнему обнимала подушку, чуть не ставшую орудием убийства. Слезы текли по бледным щекам.

– Ты совсем спятила, мать! Чуть не задушил; меня. Хотя бы объясни, в чем дело?

Но Иветта ничего не смогла бы объяснить даже самой себе. Она лишь тихо прошептала неуместное «извини», будто ненароком наступила мужу на ногу Валентин покачал головой, что-то бубня про себя Затем встал с кровати, чтобы помочь жене. Иветта отбросила подушку и попыталась подняться, но тут же вскрикнула и вновь опустилась на пол. Теперь она, поджав здоровую ногу, больную баюкала, как младенца. Валентин понял, что травма у жены нешуточная. Он расправил постель, приподнял Иветту и уложил в кровать:

– Ну как ты, ничего?

– Ничего. Ложись, Валя, спать.

– А снова душить не вздумаешь? – то ли в шутку, то ли всерьез спросил Валентин.

– Душегуб вышел из строя, – тоже отшутилась Иветта.

Она осторожно повернулась спиной к Валентину и сделала вид, будто засыпает. Однако боль в ноге не давала забыть и не позволяла думать о чем-то отвлеченном. Одна мысль сидела в мозгу занозой: пусть боль утихнет, больше мне ничего не надо.

На следующий день пришлось вызывать неотложку: самостоятельно до травмопункта Иветта бы не добралась. Рентген показал закрытый перелом. Врач сковал ногу гипсом в виде серой твердой тапочки и отправил Иветту домой. Больничный ей не полагался, так как травма считалась бытовой. Валентин поймал такси, отвез жену домой, а сам отправился на работу.

* * *

Очередь продвигалась медленно. Кто-то норовил влезть сбоку, кто-то пристроиться к знакомым. То и дело слышался возмущенный возглас: «Вас здесь не стояло». Валентин, вопреки обыкновению, не вступал в перепалку. Он задумчиво продвигался маленькими шажками, погруженный в невеселые мысли. Недавняя выходка Иветты его обескуражила. Он не мог понять, чего ей не хватает, почему она вечно раздражена и угрюма. Он ли не старается для семьи, для детей: запасает продукты, выстаивает очереди. Разве что выпьет дома рюмочку-другую, но ведь не в подворотне, как иные. Что надо жене? Ее требования казались ему глупыми. Да, в первые годы брака он послушно следовал ее указаниям. Носил ту одежду, которую она выбирала, хотя сам неудобному пальто предпочел бы куртку. И маленькая кепка казалась ему простоватой – до женитьбы он ходил в шляпе. В их поселке шляпу носил только председатель сельсовета! Однако Валентин не перечил Иветте, расстался со шляпой и облачился в пальто. И еще одна уступка жене и нынешней должности: сковывающий движения пиджак. О галстуке и говорить не приходится – форменное мучение. Однако дома он имеет право ходить в чем хочется. Например, в старых, очень старых свитерах и брюках: Валентин привык экономить. Просил Иветту заштопать протертые места на локтях и коленях, поставить заплату на зад. Но вместо починки Иветта покупала ему спортивный костюм, который потом долго лежал в шкафу. Виданное ли это дело – ходить дома в новом? И Валентин упрямо натягивал рванье. На этой почве между супругами не раз возникали ссоры.

И не только нелады в отношениях с Иветтой удручали Валентина. С некоторых пор он стал ощущать себя в семье чужим, лишним, одиноким. И детей. считал Валентин, Иветта настраивает против отца. Отчитывает его в их присутствии. Да и теща ни к месту вмешивалась: когда Валентин хотел свозить Сергуню в поселок, воспротивилась. Сказала, не позволит ребенка мучить. Что там он наберется глистов да скверных ругательств. Как будто в городе он их не узнает – на любом заборе прописи! И каждое лето, пока не взяли свой участок, приходилось снимать дачу под Ленинградом, платить деньги, подстраиваться под хозяев. К счастью, скоро Валентин достроит дом и будет сам себе голова. Баста, больше никаких дач.

Мысли Валентина повернулись к злополучному вечеру. Да, он выключил свет, когда жена уткнулась в книжку. Но читает-то она ему назло! Ладно бы выбрала что-нибудь стоящее, например детектив. А стихи только сбивают баб с толку. Все эти охи-вздохи беззаботных поэтов и стенания женоподобных писак до добра не доведут. Где она, спрашивается, вычитала, что с мужем можно так поступать?

А может, у нее кто-то есть? Жар ревности хлынул в лицо Валентину. Он часто бросал пробные камешки в ее огород, хотя в глубине души не верил, что жена может изменить. Однако для чего-то ей понадобилось с ним расправиться? Для кого она хотела освободить место? Все. Больше никаких театров, выставок. Пусть сидит дома. А захочет выйти в люди – только всей семьей. И Жанке он запретит появляться в их доме: от нее все неприятности. Да, вот эта фифочка сбивает жену с панталыку. Валентин вспомнил соблазняющее, хитроватое выражение липа Иветтиной подруги, огромные вырезы ее платьев. Он всегда старался не смотреть

туда, хотя чертовски тянуло. Но не на такого напала! Он примерный семьянин, на дешевые уловки не поддастся. Хотя однажды попался на удочку, еще до Иветты... Та девица тоже приехала в город по лимиту, работала клейщицей обуви. Им было неплохо вместе, но жениться?.. Красотка была чудовишно необразованна, постель и еда – вот все ее интересы. А он как-никак студент вечернего отделения! «Может, зря, – мелькнула мысль, – я с ней не расписался. Она бы всю жизнь мне благодарна была: ноги мыла бы и воду пила». Нет, вздохнул он, такую и людям показать стыдно. Особенно теперь, когда сам начальник. Жена, старший технолог, как бы множила заслуги Валентина.

Наконец подошла его очередь. Он протянул продавщице авоську, и та наполнила ее банками с тушенкой – пять штук в одни руки. Валентин с досадой подсчитал упущенную возможность – еще пятнадцать банок, если бы они стояли всей семьей. Но Иветта сама избегает очередей и детей не пускает. «Как жрать – все горазды, а добывать – кроме меня некому!» Валентин выбрался из толчи с чувством выполненного долга и заслуженной победы. Он шел по заснеженной улице домой, и металлические банки весело позвякивали в авоське, вызывая завистливые взгляды прохожих.

Иветта равнодушно осмотрела трофеи мужа и продолжила забивать гвоздь в ванной. И больше не было в ней ни обиженного хомячка, ни разъяренном тигрицы – унылая лошадь, тянущая лямку. Безумная, террористическая вспышка Иветты спалила все ее устремления, желания и обиды. Так беглец, возвращенный в тюрьму, теряет всякий кураж и безропотно тянет срок дальше. Иветта чувствовала только опустошенность и скуку.

8

Прошло два года. Школьники переходят в следующий класс, сдав экзамены. В супружеской жизни тоже есть барьеры, – преодолев очередной, Иветта попала в старший класс. Старшеклассники, известно, не жаждут общения со взрослыми. Они замыкаются в своей среде, а остальные становятся для них фоном, обстановкой. Для Иветты Валентин превратился в мебель. За ней принято ухаживать, вытирать пыль, но ждать от нее понимания? Однако целиком отгородиться от внешнего мира было невозможно.

Иветта жила в привычном круговороте: работа, семья, дети. Они подросли и требовали повышенного внимания. Особенное беспокойство вызывал Сергуня. Несмотря на старания мамы и бабушки, он остался на второй год. Однако нет худа без добра. Нынешнюю зиму они с Анечкой ходили в один класс, и сестра стала спасательным кругом для непоседливого мальчишки. Она не только давала брату списывать домашние задания, но и выручала на контрольных работах, успевая сделать за урок два задания. Учителя смотрели на эту помощь сквозь пальцы: Сергей портил показатели школы, а сверху Призывали тянуть всех до восьмого класса. В Серезином дневнике появились не только вожделенные тройки, но и случайные четверки. Кризисные моменты наступали, когда отличница Анечка болела. Однако и тут она тянула Серезку: без труда делала уроки за двоих и самостоятельно продвигалась вперед, опережая программу. Но ни разу в такие дни Дню не навестил кто-нибудь из одноклассников. У девочки не было подруг в школе. Родительские собрания всегда расстраивали Иветту: преподаватели жаловались на обоих детей. Сергей плохо занимался, безобразничал на уроках. Успеваемость Ани была безупречна, но к ней предъявляли другие претензии. Она не принимала участия в общественной жизни: отказывалась убирать класс, сдавать макулатуру, не говоря уж о культурных походах в театр. В ТЮЗ и кукольный театр выбиралась только с семьей.

Иветта беседовала с дочкой, пробовала вразумлять ее. Просила не противопоставлять себя классу, ладить с ребятами. Аня не спорила. Упрямо склонив голову, молчала и думала о своем, медленно перекачивая во рту жвачку. Иногда с девочкой случались события почти катастрофического масштаба. Однажды стул Анечки в школе вымазали клеем «Момент» – некоторые ученики уже начали его нюхать. Она не заметила. Когда Аню вызвали к доске, она резко встала, оставив коричневый лоскут на сиденье. Не оборачиваясь, как всегда решительно и смело, сделала несколько шагов. Класс грохнул от хохота. Учительница и Аня не понимали, в чем дело. Когда Аня начала писать на доске, то и учительница увидела Розовеющее окошко трусиков на платье ученицы. Пока она раздумывала, как поступить, вскочил брат пострадавшей. Сереза заподозрил в каверзе одноклассника, которому Аня не дала списать на переменке. Он подбежал к парте предполагаемого обидчика и треснул того по шее. Завязалась потасовка. Иветта представила себя на месте дочки. Она бы разревелась от стыда, выбежала из класса. Но Аня была другой! Уразумев, в чем дело, она кинулась помогать брату тузить обидчиков. Учительница еле успокоила разбушевавшийся класс. Она отправила девочку домой, а Сергея – к директору. Тот привычно вызвал мать.

В результате выяснилось, что стул намазал совсем другой ученик. Негодник отделался легким испугом директор во всем винил Сергея. Он выговаривал Иветте за сына, мол, тот ни за что ни про что чуть не убил одноклассника. И теперь он будет настаивать, чтобы Серезу перевели в спецшколу для нервно-возбудимых детей. Иветта заволновалась. Мальчишка недавно показывали врачу. Тот назвал его состояние пограничным, то есть на грани нормы и патологии, и предостерег родителей", в подростковом возрасте возможен кризис. Иветта старалась вести себя с сыном мягче, вникать в причины его конфликтов со сверстниками. Осуждать Сергея за то, что он вступился за сестру, она не стала, хватит с него директорского выговора. Попутно отчитали и Аню: для девочки, тем более отличницы, участие в драке совершенно недопустимо.

Хотя Аня и не умела дружить, Иветта чувствовала, что девочка способна себя защитить. И разумеется, не только кулаками. Хотя Анечке шел только одиннадцатый год, она была очень самостоятельна и независима. Пренебрежение одноклассников мало огорчало девочку: их она откровенно презирала за тупость и примитивность. У Ани были приятельницы только в секции самбо, но домой она их не приводила. Иветта мельком видела этих девочек, забирая дочку по вечерам, – занятия проходили на окраинном стадионе. Но вскоре Аня объявила матери, что сама сумеет за себя постоять, так как уже освоила несколько приемов самообороны. Иветта отступилась: Аня ездила на стадион с удовольствием и болеть стала реже.

В то время как Аня приобщалась к миру смелых и выносливых, Сергей был отстранен от спорта. Его отчислили из хоккейной секции в связи с тем, что в школе он остался на второй год. Иветта так боялась влияния улицы, что, несмотря на скромный семейный бюджет, отвела сына в платный кружок при ЖЭКе. Там мальчиков учили играть на духовых инструментах, и Сережа с удовольствием принялся осваивать трубу. Однако теперь дома все время звучали неумелые оглушительные звуки, от которых у Иветты болела голова.

Порой Иветта задумывалась: почему дети ведут себя совсем не так, как она в детстве? Она была тихой, послушной девочкой. А дети – дерзкие, неуправляемые. Может, время такое? Даже одна и та же проблема – неумение общаться со сверстниками – проявлялась у Иветты и Анечки по-разному. В старших классах Иву не замечали, но это еще полбеда. А в Анечкином возрасте издевались: дразнили очкариком, не принимали в игры. Но реагировала Ива не так, как ныне ее дочь. Она старалась задобрить мучителей: всегда давала списывать, дарила свои игрушки, картинки, значки. А ребята снова принимались терзать Иву, как только руки ее оказывались пусты. Сколько Иветта себя помнила, она всегда подстраивалась под других: лишь бы ее не оттолкнули, лишь бы приняли в свой круг. И на то, чтобы приспособиться к людям, она потратила годы. Но горькое чувство отличия от других не оставляло ее и до сих пор.

Ныне Иветте Николаевне было тридцать три года, и внешне она соответствовала стандартам своего возраста и социального положения. Все свободное от работы время проводила с семьей. Зимой ходили в гости, на эстрадные концерты, в детские театры. Весной посещали аттракционы в парке. Летом трудилась на своих шести сотках. Вместе с Валентином она консервировала овощи. Никакой личной жизни, даже внутренней, у нее не осталось. Единственная отдушина редкие телефонные разговоры с Жанной, да и те, когда мужа не было дома. Теперь они встречались дважды в год, по дням рождения. Вначале Валентин запрещал приглашать Жанну, а потом потребность видеться чаще отпала у Иветты сама собой.

Упростились и отношения с начальником. Она безразлично выслушивала разглагольствования Бузыкина, эмоционально не поддаваясь и не пытаясь вставить остроумную реплику. Даже противоречивые производственные указания выполняла безропотно: в конце концов, все наработки рано или поздно находили применение. Иветта стала такой, как все. Но, подогнав стиль жизни под общепринятый, внутренне она оставалась по-прежнему чудной, странной и одинокой. И изменить положение было не в ее силах.

* * *

Больше всего Иветту беспокоила обособленность дочки. Может, поговорить с ней? У девочки есть все данные, чтобы влиться в коллектив и даже стать лидером. Но Аня, в отличие от Иветты, не чувствовала себя несчастной, а потому не могла понять, чего добивается мама. Дружить со всеми? Ей этого не надо. Все – придурки. Одноклассники – посредственности. Она как-то принесла в класс кроссворд, так смех один: ребята всем скопом не отгадали и половины слов. Только Сережке Аня прощала недостаток интеллекта. Есть такое свойство – любить вопреки всему, а не за что-то. Она приняла как аксиому, что брат – герой вроде д'Артаньяна,

которому не нужно знать формулу квадратного корня. Зато она, Аня, в свои десять лет уже знала формулу правильной жизни и не нуждалась в маминых наставлениях.

* * *

Частная жизнь почти всегда для человека стоит на первом месте. Но страна находилась на пороге невообразимых катаклизмов. Появилось новое слово – «гласность». Повевало свободой, радостью и чистотой. Общественный подъем захватил почти всех, даже Валентина. Невозможно было оставаться в сонном царстве скучного домашнего мирка. Валентин приносил домой журналы и подсовывал Иветте статьи, где описывались сенсационные факты: подпольные рынки невольников и рабский труд в восточных республиках, тайные убийства, миллионные хищения. Иветта растерянно качала головой, Валентин с непонятной радостью клеймил новоявленных преступников. Страна превратилась в одну дружную завалинку, где судачили о «злоупотреблениях» власти.

Но Иветту больше радовало, что в магазинах появились необычные новинки – книги незнакомых ей авторов. Вначале своих, затем западных. И наконец запестрели книги эмигрантов: Иосифа Бродского, Владимира Набокова и многих других. О Бродском Иветта слышала несколько лет назад от Глеба Четвергова. «Как-то Глеб теперь поживает?» – однажды подумалось ей. И вновь взгляд ее скользил по страницам. Вскользь слышанные имена наполнялись конкретным содержанием. Новым пониманием наполнялась и ее жизнь – просыпалась внутренняя Иветта. Валентин, читавший исключительно политические разоблачения, к пристрастию жены стал терпимее. Он тоже преодолел начальные классы супружества. Теперь он выставлял лишь одно требование, порядок в доме. Сюда входили чистота, приготовленный обед и ухоженные дети.

* * *

Годы перестройки глотались как пирожки: кто-то застревали в горле, кто-то быстро насыщался вкусной начинкой, кто-то отбрасывал в сторону недоеденный кусок.

Общество превратилось в кипящий котел. На поверхности еще плавали отголоски социализма: талоны на продукты, распределительные списки. Но в глубине котла уже вызревали зерна капиталистического уклада. Теперь и продукты добывали по-разному: одни метались по магазинам, другие изворачивались, протаптывали дорожки на рынок или прямо на склад. Это время стало звездным часом Валентина. Никто не умел с таким проворством оказаться в торговой точке в момент завоза, поменять водочный талон на кофейный, выкупить стиральный порошок по квитанм на мыло. Его подвиги были для Иветты! спасением. Она с ужасом смотрела на толпы, осаждающие полупустые прилавки. Не меньшее опасение вызывали в ней и одиночки-кооператоры: как и большая часть людей, она видела в них жуликов.

Но постепенно взгляды Иветты на предпринимателей стали меняться. В кооперативы объединялись люди науки и техники. Они использовали бывшие военные разработки, и это радовало. Кустари, продающие забавные поделки, крестьяне, торгующие молоком и овощами, тоже вызывали у Иветты уважение. Время монополистов-олигархов было еще впереди, в обществе процветала здоровая конкуренция. Буйным цветом распускались и новые творческие коллективы: молодежные театры, ансамбли.

Однажды Жанна сообщила подруге новость: Володя Амосов открыл театрик нового толка. Ютился он в подвале на Моховой, работал в авангардном стиле. За минувшие годы Амосов не сумел сделать карьеру: ни один солидный театр не принял его в труппу, ни один режиссер не пригласил на роль первого плана, не говоря уже о главной. Работа на эстраде ему опротивела: Амосов давно жаловался, что актер – самая зависимая профессия. И вот теперь он стал

и директором театра, и режиссером, и актером в одном лице. Вокруг него сплотилась группа молодых дарований, и родился театр «Журавли». Художником-оформителем стал Глеб Четвергов, за три года так и не поступивший в академию. Проходили в основном те, кто послушно следовал классической школе, не пытаясь выразить что-то свое. Глеб все время сбивался на абстрактные выкрутасы, непозволительные для школяра. Как многие недоучившиеся художники, он считал себя гением: «Мы с Михаилом Шемякиным университетов не кончали». Во времена «поколения дворников и сторожей» Глеб, возможно, стал бы свободным художником, но теперь открылись возможности для практической деятельности. В театре «Журавли» простор для фантазий был огромный. Владимир лишь очерчивал общую режиссерскую задачу – здесь ставились интерактивные спектакли с участием зрителя, – предоставляя Глебу полную свободу решений.

Иветта уже много лет никуда не ходила: ни в театры, кроме детских, ни на выставки. А между тем наступило время, когда выходные вновь вернулись в ее распоряжение. Подросшие дети проводили их со сверстниками или самостоятельно. Сергей с приятелями организовал рок-группу. Школа выделила им помещение, и мальчишки часами пропадали там, завывая под грохот усилителей. Аня все свободное время проводила за учебниками – она становилась неизменным победителем математических олимпиад в своей возрастной группе. А Валентин сидел у телевизора с бутылкой пива, никуда не желая выходить. Иветта, справившись с домашним! делами, устраивалась рядом и тоже смотрела футбольный матч – его муж отыскивал в любой час на любом канале. Альтернативой телевизору было только чтение.

– Рано ты записала себя в старухи! – как-то принялась ругаться по телефону Жанна. – Сейчас такое время, а ты сидишь дома. Это непозволительно! В субботу идем на спектакль к Амосову. И никаких возражений я не принимаю!

Жанна разошлась и со вторым мужем и растила Ромку одна. Детская мечта мальчика стать дипломатом сменилась вполне реальным проектом: поступить на журфак. Однако возникли трудности с экзаменом по истории – разгорелся какой-то конфликт с учителем. Подробности Жанна обещала рассказать при встрече. Они поговорили еще немного и разъединились.

Валентин не препятствовал походу жены в театр с подругой. В последнее время между супругами не вспыхивало ни ссор, ни размолвок. Ревность его тоже поутихла – оснований не было. Жена все время на глазах: и дома, и на работе. Кроме того, возросшие бытовые трудности сплавивали семьи. Ситуация Жанны в этом плане была уникальна.

9

В тесном подвале царил полумрак. На стенах – редкие светильники в виде свечей. В центре зала – сцена, подобие цирковой арены, вокруг – два ряда протертых до дыр плюшевых диванчиков. Их списали из государственного театра, а Владимир оперативно прибрал. Актеры двигались, оказываясь то спиной к зрителям, то лицом. Все как в жизни. Так создавался особый эффект присутствия. Зрители мгновенно превращались в соучастников. В гардеробе взамен верхней одежды им выдавали длинные дождевики с капюшонами, которые предлагали сразу надеть. Во время представления на аудиторию обрушивались потоки воды, брызги красок, в проход кидались дымовые шашки. Завсегдатаи привыкли к новациям и радовались каждому трюку: здесь взрослые чувствовали себя детьми. Смысл пьесы ускользал от зрителей. Действия адресовались не уму, а ощущениям. Настроение общего балдежа постепенно заразило Иветту, и она перестала следить за сюжетом, бездумно погружившись в мир абсурда. Спектакль окончился неожиданно, на полуслове – так было задумано режиссером. Незаконченные истории лучше запоминаются и возвращают зрителя в театр. Иветта почувствовала себя маленькой девочкой, которую мама отправляет спать в разгар игры. Но спать ей сейчас совсем не хотелось – она только очнулась от многолетней спячки! – Как хорошо хоть на вечер забыть обо всех заботах. Как приятно погрузиться в бездумную радость. Она восторженно повернулась к подруге:

– Жанулька, Володя – гений! Пойдем к нему! Скажем, какой он молодчина!

Но Владимир уже стоял за спиной своих «девочек», приглашая их отпраздновать премьеру вместе с труппой.

Стол накрыли в маленьком помещении за сценой. Вокруг суетились десяток артистов и несколько человек из технического персонала. Кто-то еще разливал по бокалам шампанское, кто-то уже опрокидывал первую рюмку. Вскоре в гримуборной, совмещенной с банкетным залом, появился Глеб. Иветта с трудом узнала его: прежде распущенные волосы были перевязаны на затылке. Теперь худое лицо Глеба казалось еще длиннее. «Неужели Глеб, сам художник, не видит что этот хвост уродует его?» – изумилась Иветта. Однако она приветливо улыбнулась старому знакомому. После того давнего сеанса они виделись лишь однажды – как только Глеб получил зачет по портрету, он подарил его, как и обещал, своей модели. Сейчас они обменялись несколькими общими фразами. Иветта сказала, что дети подросли и требуют внимания, но надобность в неусыпном надзоре отпала. Глеб, выяснилось, по-прежнему холост. Он признался, что работа в театре съедает все время. Какая уж тут семья! Спектакли держатся в репертуаре недолго, каждый месяц требуются новые декорации. Однако скоро, он надеется, труппа отправится на гастроли за границу, и тогда он будет пожинать плоды своих трудов. «Глеб ничуть не повзрослел, – подумала Иветта. – Все в каких-то надеждах, мечтах. Как и прежде, устремлен в будущее». Их беседу бесцеремонно прервала незнакомая актриса. Лицо ее было размалевано ярким сценическим гримом, а фигура, даже упакованная в корсет, поражала объемами. По-хозяйски обняв Глеба, она решительно потащила его в сторону. Иветту передернуло: слишком вульгарным ей показалось притязание зрелой дамы на мальчика. Она, Иветта, гораздо моложе и то не решилась бы так вольно вести себя с юношей. Однако в следующий миг самодовольство уступило место легкому сожалению. Сожалению от невозможного. Взгляд ее снова упал на странную пару. Теперь развратная Пышка играла с волосами Глеба. Она распустила его хвост и сплетала пряди в тоненькие косички. Иветта отвернулась. Она почувствовала себя лишней на бестолковой вечеринке, совсем не похожей на добропорядочные банкеты в кругу ее сослуживцев. Все говорили вразнобой, тосты тоже произносились импульсивно, а главное, все были очень подвижны, постоянно перемещались с места на место. Царила атмосфера какого-то сумасшедшего, прямо-таки детского веселья. Там и тут виднелись

радостные лица, то и дело раздавались раскаты хохота. В комнате было душно и накурено. В какой-то момент взгляд Иветты выхватил из толпы Глеба. Тот снова был один и хохотал от души. Такого раскованного Глеба Иветта прежде не видела. Он всегда казался ей сдержанным, интеллигентным мальчиком, но сегодня был раскрепощен донельзя. Глеб тоже заметил Иветту и подошел ближе.

– Иветта Николаевна, милая, замечательная Иветта, как вы можете скучать на этом празднике жизни? – громко заявил он, не переставая смеяться. – Проще смотрите на все!

«Может, он пьян?» – предположила Иветта. Однако юноша держал бокал с безобидной оранжевой «фантой». Глеб пристально посмотрел на Иветту, неспешно затянулся и как-то уж совсем неприлично подмигнул. Иветта потупилась. Да, первое впечатление о Глебе было лучше. Она посчитала его скромным художником, культурным и талантливым. Неужели работа в этом дурацком театре так его развратила? Другие артисты тоже вели себя до безобразия непринужденно. Кто-то толкнул Иветту и извинился, кто-то наступил ей на ногу. «Надо выбирать из этого содома», – подумала Иветта. Она нашла взглядом Жанну. Захочет ли та уйти с вече ринки, или ей нравится это безобразие? Жанна заметила подругу и игриво подозвала ее пальце Иветта приблизилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.